
ЛИН НЯННЯН
НЕБЕСНАЯ СОБАКА
СПАСЕНИЕ ДУШИ НЕСЧАСТНОГО

Алый Клен. Российские хиты ориентального фэнтези

Лин Няннян

Небесная собака. Спасение души несчастного. Том 2

«Эксмо»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Няннян Л.

Небесная собака. Спасение души несчастного. Том 2 /
Л. Няннян — «Эксмо», 2023 — (Алый Клен. Российские хиты ориентального фэнтези)

ISBN 978-5-04-211033-7

Наследник клана У наконец-то возвращается из столицы Лунъюань в родовое поместье, к учителю, в надежде вернуть утраченное душевное спокойствие. Однако мир неуклонно меняется, ничего уже не будет, как прежде. Мучимый призраками прошлого Го Бохай более не понимает истинные желания ученика, томящиеся в глубине его сердца. Он предпринимает мягкие попытки сосредоточить мысли наследника на главной цели — вознесении. Тем временем все будущие боги должны снова собраться, Сянцзян показывает свое лицо, а У Чан не может решить, что его больше волнует: опасность не получить духовные силы на Туманном хребте или потерять наставника. Второй том бестселлера "Небесная собака. Спасение души несчастного" - продолжение приключений юного У Чана и его ученика Го Бохая. Персонажи раскрываются с новой стороны, а события принимают опасный оборот. Внутри - переводы стихов от популярного китаиста Татьяны Романовой. Троп ученик-учитель и переосмысление китайской мифологии на страницах великолепного романа.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-211033-7

© Няннян Л., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 34. Часть 1. Возвращение на круги своя 8
Глава 35. Часть 2. Возвращение на круги своя 17
Глава 36. Часть 3. Возвращение на круги своя 23
Глава 37. Часть 1. Грезы, от которых не скрыться 32
Глава 38. Часть 2. Грезы, от которых не скрыться 41
Глава 39. Часть 3. Грезы, от которых не скрыться 51
Глава 40. Часть 1. Долгие разговоры о важном, или Сколько скелетов у нас в шкафу запрятано друг от друга? 60
Конец ознакомительного фрагмента. 69

Лин Няннян
Небесная собака. Спасение души несчастного. Том 2

© Лин Няннян, текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Глава 34. Часть 1. Возвращение на круги своя

Между главенствующими господами и наставником наследника клана У неожиданно возник разлад. У всех в поместье этот инцидент вызвал удивление: впервые за много лет Го Бохай, казавшийся уступчивым человеком, проявил непомерную настойчивость. И с течением времени разногласие никак не решалось: глава отказывался продолжать разговор с наставником, а тот стоял на своем и упорно ждал аудиенции.

Сегодня Го Бохай в сопровождении личной служанки вновь прибыл к приемному залу и, не промедлив ни секунды у закрытых дверей, вошел. В этот раз наставник явился без приглашения, но это щекотливое обстоятельство никак не умаляло его решимости. Минь-Минь же благоразумно не последовала примеру господина. И на то была причина: генералы не стеснялись в выражениях, стоило им увлечься обсуждением территориальных вопросов Севера. А уж от взгляда ожидавшего их решения главы так и вовсе вставал ком в горле.

Прежде чем двери закрылись, Минь-Минь услышала, как Го Бохай попытался поприветствовать господина У. Ровный голос наставника тут же подавил возмущенный ропот генералов, который не могли удержать никакие стены:

– Что за своеволие?!

– Заявились без приглашения? Подобная настойчивость граничит с хамством!

Го Бохай смотрел на восклицающих спокойным взглядом, показывая, что не желает вступать в препирательства. Его отстраненный вид лишь усилил накал страстей.

– Неужто сплетни не врут? Вы действительно считаете решения достопочтенного главы не стоящими внимания? Иначе зачем возвращаться к этому вопросу?

– Вдобавок не забывайте: прошение наставника молодого господина было тщательно осмыслено советниками клана, – с деланым равнодушием подхватил второй генерал. – Уважаемый же не думает, что кто-либо из светлых умов Севера мог намеренно принять неверное решение?

– То есть навредить будущему богу У Тяньбао! – насмешливо уточнил сидящий от говорящего по правую руку.

Командные голоса мужей могли произвести неизгладимое впечатление, но не в этот раз. Го Бохай без малейшего смущения обвел ясным взглядом собрание и, убедившись, что никто из присутствующих не желает уступать, сказал:

– Генерал Бо, генерал Цзинь, вероятно, произошла путаница. Иначе как еще можно объяснить то, что вы столь превратно истолковали мои, вне всякого сомнения, добрые намерения… – Произнес он это настолько неоднозначным тоном, что все господа застыли, скорчив такие лица, будто наставник был неприятелем.

Го Бохая порядком утомило бессмысленное паломничество к рабочему кабинету главы клана, теперь даже собрание генералов не казалось ему помехой для разговора с ним.

Минь-Минь, которую от беседующих отделяли лишь двери, вообразила, с какими каменными лицами мужи сейчас смотрели на наставника, и не ошиблась: его появление прервало живые обсуждения.

Го Бохай снова заговорил, пристально глядя на центральную фигуру в зале:

– Прошу, не стоит закрывать глаза на данный факт. Из Лунъюаня все еще нет никаких новостей о церемонии Посвящения. Прошло довольно много времени с момента получения нами известия о нападении на избранных Небесами в ущелье Шуйлун! Оно дошло до нас лишь по счастливой случайности. Мы не можем быть уверены наверняка, что в столице Востока все не повторится. Речь идет о множестве жизней… Достопочтенный глава, вы же слышали слова гонца.

Десяток раздраженных голосов, подобно рокоту прибоя, вновь пронесся по залу.

– Вот заладил! Да слышали мы, слышали, но ведь жизни избранных оставались в полной безопасности. Этот вопрос уже неоднократно обсуждался!

– Наш молодой господин лично поразил того водяного змея из ущелья Шуйлун! Северный убийца демонов – так ведь теперь называют на Востоке наследника клана У? И вы, его наставник, считаете, что у будущего бога с подобным прозвищем могут быть неприятности в смертном мире?

– Да и не господин ли Го заверял, что разузнает детали произошедшего в ущелье?

– Этому наставнику еще не доложили. – Ответ Го Бохая прозвучал ровно, но Минь-Минь догадывалась, как трудно ему было удержать рвущуюся наружу горечь от того, что сам глава никакого интереса к разговору не проявляет. Она тихо вздохнула и продолжила смиренно ждать, на случай, если господин позовет ее.

В этот момент мимо проходили две служанки. Девушки перешептывались о чем-то своем, но, заприметив Минь-Минь, с улыбкой подошли к ней. Прижавшись к дверям, они принялись вслушиваться, но смогли уловить лишь обрывок разговора. Тогда хитрые взгляды сплетниц устремились на служанку наставника.

– Раз наша Минь здесь, значит, господин Го там, внутри. Неужели это он так громко разглагольствует?

– Да нет же! Голос вовсе не похож – слишком уж низкий. И интонации…

Одна из служанок обошла Минь-Минь вокруг:

– Скажи, не оттого ли там так шумно, что твой господин вновь пришел уговаривать главу выдвинуться на Восток, не дождавшись новых известий?

Минь-Минь отрицательно покачала головой. На подруг она старалась не смотреть, но дрожащие пальцы выдавали ее волнение.

– Ох, сестрица, разве мы что-то плохое спрашиваем? Не скромничай, – присоединилась вторая и взяла Минь за похолодевшие руки. – Ты вечно молчишь и ничего нам не рассказываешь! Я слышала, наставнику в последнее время нездоровится, а он вон какую бурю в приемном зале поднял. Полно же сил в таком хрупком теле.

– Давай не томи и поведай нам, какая причина на этот раз?

Минь-Минь с трудом вырвалась из крепкой хватки названой сестрицы и еле слышно пробормотала:

– Не знаю…

Но девушки, по-видимому, в это не особо поверили. Они удрученно вздохнули и вновь прислонились к дверям, за которыми разгорался все более ожесточенный спор.

– Стена Цветущего барьера – поистине плохой знак! Глава, ваше право не доверять моим предостережениям, но позвольте обратиться к истории первого появления стены, повисшей над всей границей Востока. – Го Бохай говорил с подкупающей кроткой простотой, однако в его голосе отчетливо слышались стальные нотки. – Цветущий барьер отделял все и вся на Востоке от внешнего мира. Сколько это длилось, прежде чем он исчез? Долгих двадцать лет. Двадцать! Неужто не найдется среди вас, уважаемые, того, в чьих мыслях мелькнуло страшное подозрение, что это может повториться?

Один из генералов добродушно улыбнулся:

– Но ведь эта стена явилась лишь вам, господин Го. Никто из несших караул в ту ночь ничего не видел. Конечно, столицу Лунъюань окружают горы, но думается мне, что им не под силу скрыть Цветущий барьер.

– Не думаете ли вы, наставник, что это все почудилось вам от бессонных ночей? – бросил второй. – О вашем недуге то и дело говорят в поместье.

– Послушайте… – Го Бохай хотел было возразить, однако одного взгляда на фальшиво участливые лица окружающих хватило, чтобы его уверенность в своих силах пошатнулась.

Теперь, когда генералы вооружились знанием о слабости наставника, донести до них серьезность его опасений стало сложнее, а не одолев словом их, не достучишься до главы. Наставник пропустил нанесенный ему удар и продолжил:

– Неужели вы не понимаете: не стоит дожидаться вестей от клана Луань, потому что…

– Вызволить избранных никому не будет под силу, а сами они окажутся надолго оторваны от родных краев и не смогут вознестись, – по памяти продекламировал генерал Цзинь.

Он как-то нехорошо усмехнулся и переглянулся с по-прежнему бесстрастным владыкой. Го Бохая словно окатили кипятком. Откуда они знают о том, что было в его личном письме главе У? Если только… Этот достопочтенный выставил его посмешищем перед своими генералами!

Генерал Бо, видя, что обычно невозмутимый наставник растерялся, язвительно добавил:

– Уважаемый, неужели вы не понимаете, что только по одним вашим утверждениям нельзя отправить гонца? Клан Луань с большой вероятностью посчитает вопрос о Цветущем барьере нетактичным, поскольку лишь один человек в их семействе владеет данным заклинанием, и тот прикован к постели.

На этих словах одна из девушек за дверьми зашептала, облизываясь от любопытства:

– Не могу разобрать, чей голос. Неужто генерал Бо сегодня столь словоохотлив?

– Разве он на такое способен? Скорее верится, что то – генерал Цзинь…

Девушки оглянулись на Минь-Минь с нескрываемой жаждой подробностей в глазах, но та опередила любые вопросы:

– Прошу, некрасиво так поступать. Если сейчас кто-то выйдет, наказание за подслушивание неминуемо ждет каждую.

Ее голос выражал тревогу, но служанки лишь игриво хмыкнули да подхватили подругу под руки:

– Минь излишне волнуется. Твой господин не даст тебя в обиду.

– Да и как нам не идти на такой поступок, когда ты вечно обо всем молчишь! Разве правильно будет выставлять нас виноватыми? Что ни попросишь тебя рассказать – все «не знаю» да «не могу». Напомни-ка, сколько лет ты уже в услужении у наставника молодого господина?

– Ш-шесть…

– Целых шесть?! – Девушки в изумлении переглянулись. – И продолжаешь настаивать на своем незнании? Многие желали быть личной служанкой твоего господина: мил со всеми, а как природой одарен! Сказка, а не судьба. Я бы от такого ни на шаг не отходила, хи-хи.

– И вспомни: когда эта честь выпала нашей юной и неопытной Минь, мы ее поддержали! А от нее и словечка не дождешься.

– Ну ладно мы, нами нетрудно пренебречь. Что станешь делать, если тебя спросит о чем-либо госпожа У? Тоже не ответишь?

Минь-Минь промолвила:

– Но ведь это другое, вы же начнете судачить…

– Хах, было бы о чем! Наставник наследника слишком идеален для того, чтобы оказаться главным героем сплетен. А вот ты до ужаса наивная, совсем ничего не смыслишь. – Девушки призадумались. – Вот, к примеру, генерал Цзинь. Слышала ли ты о нем что-то дельное? Если бы не брезговала нашими разговорами, знала бы довольно интересные вещи. Того и гляди они бы для чего полезного сгодились. Твоему господину, например.

– Да-да! Прямо сейчас в приемном зале!

Минь-Минь подняла глаза на девушек.

– Говорят, он настолько самоуверен, что поражение в ученом споре может принять лишь со слезами на глазах. Не подумай, генерал Цзинь образованный и в меру умный человек, однако любой намек, что он может в чем-то ошибаться, и – хоп! – тут же вскипает!

– Да-да, а про генерала Бо слышали последнюю новость? Конь, которого он гнал, сбросил его на полпути. Поговаривают, он совсем плохо держится в седле. Но, чтобы не уступать никому, а особенно генералу Цзиню, которого он постоянно пытается опередить во всем, наш неудавшийся наездник Бо выбрал самого строптивого скакуна на Севере.

– Подожди-подожди, ты сейчас брешешь! Самый строптивый принадлежит наследнику. Конюх каждый раз молится богам, когда заходит в стойло! Ох, или ты имеешь в виду…

– Конечно же, это я и имею в виду!

– Ужас-то какой! Значит, пока будущий бог У Тяньбао отсутствует, генерал Бо бессовестно пользовался шансом? Минь, как считаешь?

Минь-Минь запуталась в их речах, потому медленно покачала головой.

– А что насчет господина Го? – У девушек глаза так и заблестели. – Скажи, какие барышни нравятся отличающемуся на Севере внешне и оттого самому привлекательному мужчине? Тяньцзинь, между прочим, сердце красоты! Юные госпожи, как первый снег на красном клене, глаз радуют! Наверняка наставнику кто-то нравится, скажи же?

– Ну конечно, кто-то да приглянулся! Не просто же так он выходит на прогулки в город один.

Минь-Минь вновь качнула головой:

– Разве мне такое позволено знать…

– Ну и скучная же ты, Минь-Минь!

– Скучная, скучная! Ха-ха-ха!

Хихикая, девушки наконец отошли. И вовремя – в распахнувшихся дверях приемного зала показался хмурый и задумчивый Го Бохай. Очевидно, беседа с генералами не окончилась ничем хорошим. Наставник торопливо направился в свои покои, а служанка поспешила за ним. Шли они молча, пока Го Бохай не обронил:

– Лучше бы я ослушался и отправился на Восток, только зря время трачу!

– Господин, но что вам мешает? – удивилась Минь-Минь.

Го Бохай развернулся к ней и покачал головой:

– Моя наивность. Я надеялся, что мне удастся воззвать к здравому смыслу и глава предпримет решительные действия… Теперь же мне воспрещено даже посетить Лунъюань, чтобы разузнать о произошедшем.

Минь-Минь поникла и тихо прошептала себе под нос:

– Звучит жестоко…

Действительно жестоко: отец по-прежнему не проявляет интереса к судьбе собственного сына, и, кажется, к людям клана Луань, которые могут пострадать, также холоден. Однако подобное равнодушие объяснялось не одним лишь безразличием: помимо речей о долге перед народом, хозяин Севера был загружен важными делами. Он уже долго искал решение вопроса восполнения финансовых потерь. Ранее все мужчины на границе с Югом без пререканий исполнили указ главы – покинули деревни и города на время шествия церемонии Посвящения. Это неожиданно принесло убытки не только местным землевладельцам, но и всему Северу. Главенствующий господин У лишь желал зарубить на корню всевозможные распри с соседями, а теперь ему приходится разбираться с известиями о неуплатах налогов и новых хищениях из столичной казны самими чиновниками.

Да, деньги всегда перетекали в карман служащих, просто в меньших объемах – на то они и деньги, чтобы соблазнять слабых. Чуть помедли с решением, и вот – контроль над людьми безвозвратно потерян. Главенствующий господин Севера не был силен в финансовых вопросах, да и в других, что не касались военного дела, тоже. В первую очередь его знали как талантливого генерала, большая часть жизни которого прошла на поле боя с кочевыми народами. Зачастую хитросплетения чиновничьих интриг ускользали от его взора. Наставник наследника понимал, что главе тяжело, но все равно не мог утешить свое сердце из-за У Чана.

Отбросив поглотившие его размышления, Го Бохай взглянул на смоляные локоны Минь-Минь и поинтересовался:

– Скажи, когда в последний раз ты видела нашего потрепанного жизнью друга?

Служанка слегка наклонила голову, из-за чего косички в ее прическе колыхнулись.

– Господин говорит о том черном коте, что слоняется тут и там по поместью? Странность, да и только: я уже довольно давно его не встречала.

Услышанное не обрадовало Го Бохая – все же он ждал хоть каких-то известий. Наставник молча направился дальше. Девушка, привыкшая к подобному, двинулась следом и продолжила говорить ему в спину:

– Вы рассказывали, что нашли его еще котенком и взрастили. Мне казалось, за подобную заботу любое животное будет ласковым и дружелюбным, а этот кот всех избегает. Довольно своенравный и даже странный.

– О чем ты? Кот как кот, – прозвучало от идущего впереди.

– Ну-у, вы поинтересовались, когда в последний раз эта служанка видела его. В последнее время не видела, но до отъезда избранных заметила нечто странное. Ни для кого не секрет, что наш молодой господин с детства не ладит с хвостатыми, а этот повадился ходить вокруг покоев наследника да по ночам заглядывать, будто ему там медом намазано…

Минь-Минь вовремя не сориентировалась и ударилась о спину остановившегося.

– Ты хочешь сказать, что лично это видела?

– Да… Вечерних дел у меня предостаточно. Поэтому видела. И неоднократно.

* * *

Обычно погруженные в свои дела и заботы люди не ведут счет времени. Взмах кистью – и уже вечереет. Но Го Бохай, несмотря на свою занятость, словно одержимый считал не только прошедшие дни, но и солнца, и луны, побывавшие за этот промежуток над его головой. Увиденное той глухой ночью не давало покоя, лишало сна. Но в скором времени известие о Цветущем барьере, в существование которого на Севере никто не верил, наконец дошло до главенствующего дома У.

Письмо зачитали вслух в злополучном приемном зале, где собралась вся знать во главе с владыкой. Го Бохай же, то ли боясь своих чувств, то ли не желая показывать душевного смятения перед теми, кто не так давно пытался унизить его, сел в дальнем углу, в тени. Если это кому и показалось странным, никто не подал виду. Когда чтец громко продекламировал строки с известием о смерти двух достопочтенных из клана Луань, по залу пронеслись вздохи потрясения. Далее в письме говорилось о полной безопасности наследника клана. Тут же глава У взмахнул рукой, предусмотрительно пресекая любые возгласы, и невозмутимо отчеканил:

– Хоть мы и поражены случившимся, все же в первую очередь хотим отметить проявленную доблесть избранного Небесами.

Его тон заставил Го Бохая до боли сжать спрятанные в рукавах руки. Владыка словно бросил эти слова ему лично, а не в мертвую тишину заполненного людьми зала. Видимо, по его представлениям, уж после такого известия наставник должен был отпустить переживания и оставить спор в прошлом.

Все вокруг бросились торопливо поздравлять хозяина Севера с рожденной в клане драгоценностью, попутно называя его отцом Северного убийцы демонов У Тяньбао, и Го Бохай сумел незаметно покинуть зал. Голова его, заполненная противоречивыми мыслями, нещадно разболелась. Хорошо еще, что никому по-настоящему не было дела до изменившегося в лице наставника.

Дни сменялись, а наставник все пытался сдержать себя от нарушения запрета главы. Го Бохай всеми силами заглушал беспокойство, погрузившись в чтение, пренебрегая качеством

сна и приемами пищи. Со временем, устав сражаться в этой битве, он окончательно увяз в рукописях и книгах. Как назло, от хвалебных речей и каждодневного чествования в поместье некуда было деться – всеобщее помешательство сводило с ума. Го Бохай не мог и на десять минут прикрыть глаза без того, чтобы сумбурная каша из воспоминаний не представала перед ним. Ужасы пережитого, страшнее и глубже тьмы, не давали провалиться в спасительный сон. Даже вздремни он чуток днем перед книгой, как спина покрывалась холодным потом, а лоб – испариной. Ему не оставалось ничего более, как бродить сутками напролет по поместью да перечитывать тут же ускользающие из памяти строки в надежде, что полегчает. И если бы не Минь-Минь, которая переживала за здоровье своего господина больше, чем за чье-либо в подлунном мире, помер бы наставник ненароком.

Она же одной безлунной ночью и привела в поместье лекаря из города, что под горой Хэншань. Он рекомендовал ослабшему наставнику травы и самые новые способы лечения, но после его ухода недуг только прогрессировал. В последние дни Го Бохай совсем не мог спать: ночами его бросало то в жар, то в холод, тело ломило от выпитых порошков и пилюль, а уснув хоть на долю секунды, он тут же вскакивал.

Истинную причину своей беды он прекрасно знал: все это – последствия разрушенной печати Забвения, о которых предупреждал Сянцзян. Бессонные ночи, образы, не выходящие из головы, голоса и – самое неприятное – не отступающие бредовые видения. Как раз последнее повлияло на уверенность Го Бохая сильнее всего: увидев несколько раз воочию то, чего в действительности не было, – морскую пучину посреди города Тяньцзинь или парочку усопших, шедших среди толпы людей, – в конце концов он начал подвергать сомнениям и замеченный некогда ночью Цветущий барьер.

Теперь это стало частью его жизни, от которой не убежишь и не избавишься никакими способами. Даже самые что ни на есть волшебные, расхваленные городским лекарем травы и порошки не помогли наставнику избежать встречи с прошлым. Осознав это, Го Бохай наказал служанке отбросить волнения и оставить его в одиночестве. Но разве могла та отвернуться, когда забота о господине была ее основной задачей?

Бодрствуя ночами, он не мог не заметить, что Минь-Минь также стала плохо выглядеть, поскольку у нее не было и минуты на отдых. Проводя все время подле своего господина, она начала походить на призрака с лицом белее молока и темными кругами под глазами. Служанка постоянно витала где-то в облаках или засыпала, едва опершись на любую поверхность. То же самое произошло этим вечером. Теплый солнечный лучик коснулся ресниц Го Бохая и отвлек его от чтения. Через силу мужчина посмотрел на фигуру, сидевшую на полу у столика. Голова Минь-Минь склонилась от тяжести и вот-вот намеревалась упасть на столешницу.

– Кхм-кхм. – Наставник сделал вид, будто слегка закашлялся, но, по-видимому, девушка уже задремала, раз ее реакции не последовало. Потому, вернувшись к книге, он произнес: – Минь, ты вновь не можешь удержаться ото сна на моем столе? Пойди к себе и выспись.

Изначально имя служанки было Минь – без фамильного знака и особых приставок. К ней никто не обращался «госпожа» или «барышня». Простое, довольно короткое имя для легкого запоминания – это все, чем могла довольствоваться девушка ее положения. Правда, даже такие имена слуг некоторые из господ не удосуживались удерживать в памяти. Прибыв на гору Хэншань в роли наставника, Го Бохай старался привыкнуть к этому, но ничего с собой поделать не мог: взращенная в нем человечность оказалась куда сильнее, чем укоренившиеся порядки. Поэтому, когда пятнадцатилетняя девушка поступила к нему в услужение, очень скоро наставник демонстративно стал обращаться к ней ласково «Минь-Минь». Он нередко пользовался второй формой имени, из-за чего появилось негласное правило: если Го Бохай обращался к своей прислужнице только «Минь», значит, находится не в лучшем расположении духа.

В таком состоянии наставник пребывал уже не один день и не один месяц. Сейчас, заметив, что служанка не реагирует, он отложил книгу и обратился чуть строже и громче:

– Минь, у меня нет времени за тобой присматривать, возвращайся к себе!

Голова Минь-Минь качнулась в последний раз. Краснея, девушка подскочила и смущенно залепетала:

– Г-господин, извините. П-простите мою оплошность. Ох, вы читали в такой тишине, что эта никчемная даже не заметила… Этого не повторится!

Взмахом руки Го Бохай отпустил ее и устало прикрыл ладонью глаза. Уже через минуту девушка в смятении стояла на улице. Вдруг в саду поместья она приметила странную активность: среди дивных красот под вечерним небом толпилось множество служащих поместья. Со стороны крытого мостика, что вел лишь в две стороны – к домам господина Го и молодого наследника, – раздался легкий топот. Переведя взгляд, Минь-Минь увидела, как две знакомые особы, поддерживая полы юбок, выбежали из-под навеса моста, сошли на брусчатку и поспешили в сторону сутолоки. Одна из них на мгновение остановилась и кинула клич:

– Ну же, чего стоишь? Говорят, в саду крупные изменения, чему наша госпожа не сильно обрадуется! Все сейчас там!

От удивления Минь-Минь совсем растерялась и не успела ничего уточнить, а обе служанки уже растворились в толпе. Все – от травинки до росточка – принадлежало властной госпоже, никому без ее дозволения и войти-то внутрь не разрешалось, а тут у кого-то хватило храбрости что-то менять? Разглядеть, что именно происходило на входе в сад и из-за чего все так всполошились, было невозможно: за деревьями и растениями мелькали лишь головы.

Стоило Минь спуститься по маленькой лесенке и пройти немного вперед, как ее ушей коснулся странный монотонный звук, походивший на шуршание, будто кто-то вдали ошкуривал дерево тяжелым инструментом. Она огляделась в поисках источника, и ее взгляд застыл на домике господина Го. Кажется, шум исходит оттуда. Но стоит ли подойти ближе? Минь-Минь в задумчивости все же поднялась обратно по ступеням и, прислонившись к стене, выглянула из-за угла. Ничего! Только привычные очертания узкой тропы да небольшой стены в сизой мгле. Насторожившись, девушка затаилась.

Глухое «шинь-шинь» то становилось громче, то почти сходило на нет. Внезапно кто-то с силой схватил пискнувшую в ужасе служанку за руку и резко вытянул из укрытия.

– Тише!

Минь округлила глаза и не сдержала изумленного и радостного возгласа:

– Вы?! – Она растерянно застыла на половине поклона.

Перед ней стоял молодой господин У Тяньбао! Наследник покинул родной дом пусть и темпераментным, но ребенком, теперь же служанка с восхищением смотрела на сребровласого юношу. У Чан за прошедший год вымахал на полголовы, окреп, взгляд его стал серьезнее и опаснее, а разлет плеч – шире. Одним словом – мальчик возмужал. Служанке, ранее видевшей молодого господина по несколько раз на дню у покоев господина Го, перемены казались кардинальными.

– Но что? Но как? – Мысли Минь-Минь путались, и от удивления она повторяла одно и то же.

У Чан строго шикнул, не дав ей больше произнести ни слова. Когда он шепотом объяснил, почему ей тоже не стоит повышать голос, вопрос, откуда исходил тот странный звук, отпал сам собой. Девушка улыбнулась, осознав, что все это время молодой господин глухо, с хрипотцой в уже грубом мужском голосе на грани шепота звал ее: «Минь-Минь!»

Удостоверившись, что его внимательно слушают, У Чан еще глуше прежнего шепнул ей на ухо пару фраз. Выслушав, Минь-Минь поклонилась. Не поднимая головы, она уверила наследника, что сделает все возможное, а когда выпрямилась, поняла, что перед ней уже никого нет.

Какое-то время ей пришлось бродить у входа в дом, поглядывая то на сад, где толпа слуг так и не рассосалась, то на приоткрытые двери, за которыми господин Го находился уже

довольно долго. По ее наблюдениям, наставник должен был вот-вот оставить чтение и выйти на молчаливую прогулку по имению клана. Предчувствуя это, Минь принялась суетливо бродить вокруг здания, периодически заглядывая внутрь. Наследник велел ей сделать так, чтобы господин Го ни при каких условиях до нужного момента не покидал своих покоев. До озвученного часа еще оставалось время, а поводов задержать господина никак не находилось.

Проходя в очередной раз мимо покоев Го Бохая, девушка услышала: «Минь, зайди». Смиренно выполнив просьбу, она остановилась на пороге.

– Я же просил тебя не переживать и пойти к себе. – От небольшой растерянности служанка виновато кивнула головой, даже не подумав, с чем соглашается. – Сейчас я вполне здоров и не нуждаюсь в ежеминутном уходе. Зато взгляни на себя: люди скоро засудачат, что я тебя заморил!

Го Бохай с явным раздражением одернул рукава и прошелся по комнате. За пару шагов, за которыми не отрывая взора следила служанка, наставник оказался подле нее. Вблизи он выглядел не то что уставшим – истощенным. Сердце Минь-Минь дрогнуло от мысли, до какого состояния господин довел себя переживаниями. Верно, его дорогой ученик приехал нарочно, чтобы утешить впавшего в немилость учителя.

Выпрямившись, она незаметно закрыла собой дверной проем:

– Прошу, подумайте о себе – вы сильно ослабли, а на улице похолодало. Не покидайте сегодня свои покои! – Минь старалась выглядеть уверенно, но быстро поняла, какую нелепость сморозила: по комнате гулял теплый ветерок.

Го Бохай сдавленно бросил:

– Глупость какая… – И его непривычно тяжелый взор упал на служанку.

Казалось, он поймал Минь на лжи, вот и разозлился. Она с деланой безмятежностью прошла вглубь комнаты и мягким голосом заверила:

– Ну какая же глупость, вас снова в жар бросает? – И неожиданно даже для самой себя оказалась права как никогда.

Го Бохай уже не слушал ее. Наставника посетило ощущение, будто бы силы вот-вот его покинут, а сам он рухнет плашмя на пол. В ушах резко зазвенело, и среди этого неприятного призрачного гула раздались жуткие голоса, которые вразнобой произносили одно и то же, но с разными эмоциями: «Го Бай! Сяобай!»

На глазах Минь-Минь господин в одночасье поник: взгляд опустел, лицо побледнело, а голова низко склонилась. Страшное воспоминание о недавнем происшествии нахлынуло на служанку, и она бросилась к нему с одной лишь мыслью: «Не теряйте сознание!», но успела сделать всего шаг, как внимание наставника переключилось на черное пятно, прошмыгнувшее в покои:

– Кот?!

Все было как в тумане, поэтому Го Бохаю понадобилось некоторое время для того, чтобы узнать Сянцзяна. Презрительный взгляд желтых глаз моментально отрезвил его, выдернул из полудремы. От неожиданности он воскликнул: «Ты!» – и сразу же был перебит служанкой:

– Господин! – Минь ни с того ни с сего опустила голову в низком поклоне.

Макушка склонившейся была направлена куда-то в сторону от Го Бохая, поэтому инстинктивно он бросил взгляд направо. Лицо наставника разгладилось, а хмурое выражение стерлось. В дверях возникла до боли знакомая фигура юноши, покрытая плотной тенью от крыши здания. У Чан повторил за Минь-Минь – вытянул руки в поклоне – и с теплом произнес:

– Учитель!

В слабом свете свечей серебряные волосы наследника заиграли бледно-русым оттенком и скользнули вниз, окончательно закрыв его лицо. Не успел он выпрямиться и скинуть мешавшую прядь с глаз, как чужие мягкие локоны, пахнущие свежестью дождя и льном, прильнули к

чувствительной коже лица. Тело У Чана окутало тепло рук, а и так неспокойное из-за встречи сердце будто сорвалось в пропасть.

– Ты вернулся, ты действительно вернулся…

Го Бохай повторял эти слова без остановки, не веря своим глазам. Внезапно его пробрала дрожь от испуга – вдруг это очередное видение? И голос в глубинах истерзанной души сорвался в крик: «Я больше не вынесу!» Но нет, этот терпкий пряный аромат удового дерева, масло которого добавляли в мыльные настои для наследника, нельзя было спутать ни с чем другим. От У Чана исходил жар, мягкий и обволакивающий. Го Бохай проваливался в ощущение тепла, словно дерево по весне, промерзшее за зиму.

Его не отталкивали, не стыдили и даже ни о чем не спрашивали. Весь мир вокруг на несколько мгновений стал размытым фоном без смысла. Го Бохай отчетливо ощущал напряжение воспитанника, но все равно не решался отпустить его и поверить в обратное: для него, ждавшего этого момента сильнее всех, У Чан не мог столь внезапно объявиться. Ученик же, оглушенный сердечностью приема, растерялся настолько, что забыл ответить на объятие и застыл.

Наконец над ухом забывшегося наставника прозвучало: «Учитель?» Сказанное шепотом простое обращение было наполнено волнением и жизнью, отчего темное бушующее море в сердце Го Бохая утихомирилось и обернулось безмятежной гладью. У Чан, поддерживая учителя под руки, отступил назад, и их глаза наконец встретились. В воздухе витала такого рода тишина, что даже птиц, щебетавших о своих делах, и ветерка, колышущего ветви, не было слышно.

Пелена спала с глаз наставника. До этой самой секунды Го Бохай был уверен, что это все – ворвавшееся к нему видение очередного сна. Ведь будь иначе, в любом случае он узнал бы вторым после главенствующих господ Севера о прибытии наследника клана в родные края. Во всяком случае, это был наследник, чей голос привел Го Бохая в чувство. Наставник заглянул в глаза чернее ночи, приветливо глядевшие на человека в их отражении, и именно тогда убедился, что отбывший почти на год будущий бог У Тяньбао настоящий!

Появление У Чана стало знаковым для Го Бохая. Рядом с учеником он резко ощутил реальность – фактически в спрятанных за печатью Забвения призраках прошлого никакого юноши с серебряными волосами не существовало!

Между тем в молчании прошло уже более минуты. Минь мудро не поднимала головы; наследник продолжал стоять отстраненно, что натолкнуло Го Бохая на осознание: нужно было держать себя в руках. Он стыдливо отступил из-за излишних эмоций, которые некогда обещал себе контролировать.

И тут У Чан внезапно сложил ладони в жесте мольбы:

– Учитель, прошу, пойдемте со мной! Только, пожалуйста, не задавайте вопросов, пока я вам это не покажу!

Глава 35. Часть 2. Возвращение на круги своя

Го Бохай жестом велел Минь-Минь остаться в покоях и кивнул хмурому ученику. У Чан же молча указал в сторону сада и сразу направился туда, будто боялся передумать. Путь был короток, и тем не менее время для обоих как-то неестественно замедлилось. Обычно юноша не мог скрыть радости от преподношения приятных сюрпризов наставнику, сейчас же все выглядело иначе. У Чан шел быстро и напряженно, постоянно оборачивался. Его странное поведение не на шутку тревожило Го Бохая. Неужели случилось что-то нехорошее? Или вспыльчивый наследник не уследил за собой да и прибил кого-то ненароком и теперь нужно замести следы?

Наконец они оказались у входа в сад. У Чан остановился первым, да так резко, что задумавшийся Го Бохай едва не впечатался в его широкую спину. Наставник смешался, потому, бросив: «Уже пришли?», шагнул вперед, чтобы заглянуть внутрь нефритовой рощи, но ему преградили путь.

Как загадочен сегодня этот обычно прямолинейный юнец! Го Бохай отступил и, тряхнув длинными рукавами, выжидательно уставился на ученика. Попытка сгладить неловкость провалилась с треском: У Чан старательно смотрел в землю и, кажется, слегка сопел от напряжения. Распознать, о чем же он думает, и без того утомленный долгими размышлениями наставник не мог. Тогда Го Бохай подчеркнуто вежливо поинтересовался:

– Любопытно, почему же мы остановились?

Ответ последовал не сразу.

– На самом деле есть еще одна просьба… – У Чан склонился так низко, словно говорил со своими коленями. – Учитель! Это последняя просьба, и она довольно странная! Прошу, прежде чем мы пройдем в сад, могу ли я вас попросить на время прикрыть глаза?

Го Бохай удивился и переспросил:

– Но… тогда как я буду видеть, куда мне идти или на что смотреть?

Все еще не поднимая головы, У Чан вытянул ладони перед собой.

– Я вас м-могу провести, если согласитесь… – Ни один мускул не дрогнул на благородном лице, когда наследник озвучил свою просьбу, но шаткий голос, прозвучавший подобно струнам расстроенного гуциня, все же выдал его волнение. – Верьте мне, учитель.

В душе Го Бохая воцарился хаос. Радость от встречи с наследником заглушалась переживаниями за него – словно в спящий вулкан бросили камешек, и теперь поток лавы поглощал все на своем пути. После отъезда У Чана наставник готовил себя ко многому, в том числе к тому, что после долгой разлуки увидит ученика другим человеком – повзрослевшим и опытным. И вот юноша перед ним, склонился и протянул руки, но Го Бохай не в силах понять его мотивы. Что теперь творится в юной голове? Как мог воспитанник махнуть рукой на традицию первого поклона родителям? Какой еще трюк планирует выкинуть?

Интуиция Го Бохая шептала: с этим нужно разобраться как можно скорее. Поэтому он, мучимый собственными думами, сделал как просили. В вытянутые ладони наследника проникла приятная прохлада, следом же он ощутил неуверенность хозяина длинных пальцев, что скользнули по сухой чувствительной коже. Лишь тогда У Чан набрался смелости выпрямиться. Вне себя от радости, он заглянул в лицо наставника, чью руку держал в своей. Го Бохай испытал легкость на сердце, узнав наконец привычного воспитанника, восторженного и искреннего, и потому опустил веки. На его лице тоже проступила улыбка. Идиллию нарушил порыв ветра, бросивший в замерших ученика и учителя охапку листвы.

У Чан мягко потянул наставника к себе, и они медленно, словно танцуя, вошли в сад. Наследнику приходилось ступать осторожно, то и дело разворачиваться спиной к дороге, дабы не допустить казуса с оградкой, ступеньками или какими другими неровностями поверхности. Пройдя немного, он вдруг заговорил, хотя до этого был молчалив как никогда:

– Учитель, я очень надеюсь, что вам понравится! Правда… Давайте договоримся: когда вы увидите, не станете расспрашивать, как у меня это получилось. И не думайте даже волноваться о стоимости! Скажу сразу – нет ничего такого, чего бы я… Забудьте, просто не думайте лишний раз.

Послышался шорох свежей травы, так, словно У Чан сошел с тропы из серо-голубого известняка и ступил по растительности. Го Бохаю нестерпимо хотелось открыть глаза, но вместо этого он поинтересовался:

– Мы пришли? Если нет, тогда почему замедлили шаг?

– Необходимо подождать! – Юноша отпустил руку и добавил: – Только не открывайте глаза, еще рано.

Понять, что именно происходило или где они находились, наставник все еще не мог, сколько бы ни пытался. Ему непросто давался этот акт доверия. Прислушиваясь к ощущениям, Го Бохай думал о том, что едва ли существует еще хоть кто-то, чьим рукам он смог бы довериться и пойти в неизвестном направлении с закрытыми глазами. По доносящимся до его слуха звукам становилось понятно, что воспитанник рядом, но что именно он сейчас делает, оставалось неясным. Раздался глухой щелчок, а затем шелест – словно мягкий ветерок заиграл листвой в саду.

Закончив, У Чан тихо позвал:

– Учитель, позвольте, дайте свою руку.

На этот раз он не взял ладонь наставника в свою, а что-то в нее вложил. Очертания походили на продолговатый листок, мягкий и свежий. Чуткие пальцы Го Бохая принялись перебирать и ощупывать. Не понимая, к чему все это, он услышал:

– Попробуйте угадать, что это. – Голос У Чана прозвучал совсем близко.

– Очевидно, лист с дерева? Это то, что ты хотел мне показать?

Наследник тихо усмехнулся, маленькая игра явно забавляла его, как и вид беспомощно сжимающего в руках неизвестное растение наставника. У Чан снова уточнил:

– Да, но с какого? Этот ученик немного подскажет – вы как-то о нем рассказывали.

Подобная шалость вполне могла вызвать досаду: это же надо придумать столь необычный способ, чтобы что-то показать человеку! Да еще и в такой момент! Но Го Бохай лишь добродушно улыбнулся:

– Задача для этого уважаемого оказалась довольно нелегкой. Может, я взгляну, дабы освежить память?

У Чан с радостью согласился, и наставник распахнул глаза. Свежесорванный листочек был в разы крупнее листьев льна, о котором в первую очередь подумал наставник. Гладкий, удлиненной формы, он помещался в ладонь, слегка не достигая подушечек пальцев, однако Го Бохай все еще не понимал, какому растению он принадлежит. Он задумчиво осмотрелся, справедливо рассудив, что найдет его неподалеку. Оказалось, У Чан привел учителя в самую гущу сада своей матушки. Под ногами – выложенная из идеально ровного камня брусчатка, по одну сторону – нераспустившиеся хризантемы, по другую – белоснежные миниатюрные кусты азалии, чуть поодаль на горизонте – юная магнолия. И лишь одно небольшое деревце, стыдливо выглядывающее из-за спины наследника, Го Бохай никак не мог признать. Подойдя ближе, он выставил руку с листом на уровне глаз и сравнил. Сомнений быть не могло – листок сорван именно отсюда.

– Так вон оно что, однако я все еще не понимаю…

– Учитель, вы разве не узнаете? Ну да, оно совсем молодое, с меня ростом, тоненькое и немощное. Стоит подождать, и через пару лет будет куда крупнее своего северного собрата! Я посчитал, что вы с первого взгляда узнаете персиковое дерево с Востока. Моя вина, стоило приложить больше усилий и привезти взрослое, тогда бы вы уже скоро смогли насладиться его плодами!

Выражение лица наставника вдруг едва уловимо переменилось. Издревле у смертных имелось четкое разделение между видами персиковых деревьев. Тот, что произрастал на Севере, люди называли «декоративным». Он походил скорее на высокий кустарник и приносил небольшие и несладкие плоды. Второй можно было встретить лишь на Востоке ближе к Югу. Люди считали его предшественником персиковых фруктов, а потому прозвали «истинным совершенством», или «Даром императора». Этот вид в поре цветения впечатлял своим обликом: шершавая кора на изогнутых ветвях напоминала высохшую треснутую землю, а в высоту он мог достигнуть более двух-трех чжанов[1]! Бесчисленное количество ветвей и листьев укрывали от жары плоды, благодаря чему они созревали сладкими и сочными. Однако названия персиковых деревьев появились отнюдь не из-за их размеров или вкуса плодов. Свойства – вот что их определяло. «Декоративный персик» действительно таковым и являлся, «Дар императора» принес смертным защиту от любых тварей из мира демонов: в пределах его ветвей никакая нечисть не может существовать спокойно, об умышленном нахождении в его тенях и речи идти не может. Проще говоря, все демоны обходят за версту «истинное совершенство».

Разумеется, У Чан прекрасно знал обо всех свойствах привезенного подарка. И желал посмотреть на реакцию наставника. Он внимательно следил за выражением лица учителя и успел заметить ужас, мелькнувший в его ясных глазах. Однако Го Бохай вдруг склонил голову набок и одарил ученика улыбкой:

– Если я правильно понял, ты привез это дерево специально для меня?

Ничего в голосе наставника не насторожило У Чана, и он простодушно согласился:

– Все верно, учитель.

– Любопытно. Давно мне не дарили ничего подобного. Хочу рассмотреть поближе. – Говоря это, Го Бохай резко шагнул вперед, но был перехвачен руками взволнованного ученика. Такого У Чан совсем не ожидал и испугался – вдруг что-то случится?

На губах наставника появилась и тут же исчезла торжествующая усмешка. Помнится, после встречи с Кукловодом наследник правдой-неправдой, но все же уговорил учителя не поднимать одну тему. Он даже фразу обронил: «Мне не нужно знать, кто вы – человек, демон или еще кто-то». Однако сейчас ситуация выглядела совсем иначе. Го Бохай невинно уточнил:

– В чем дело? Мне нельзя подходить к своему же подарку?

У Чан с минуту стоял неподвижно, глядя в землю. Наставнику только и оставалось, что разглядывать густые завитки серебристых волос на макушке, но спасать зарвавшегося мальчишку он не спешил. Наконец наследник сдался. Его глухой голос нарушил тишину:

– Простите этого недостойного. Я усвоил урок.

– Какой именно?

У Чан потер рукой пылающую шею и, найдя в себе храбрость, приподнял пунцовое от стыда лицо. Тоскливо взглянув в ответ, он тяжело вздохнул:

– Я не должен был сомневаться в вас. Извините. Извините, я… Я…

Не дослушав, наставник за пару легких шагов подошел к деревцу и громко вскрикнул:

– А-а-а!

Воспитанник тут же подхватил, едва не упав от неожиданности:

– А-а-а!

Не в силах более сдерживаться, Го Бохай расхохотался, прижимая руки к животу:

– Не могу поверить! Ох, не могу! Я, наставник с горы Хэншань из скромного семейства Го и именуемый Бохай, разыграл будущего бога У Тяньбао на глазах всего Небесного свода!

У Чан подавился воздухом от потрясения, но все его переживания оказались напрасны. С учителем ровным счетом ничего не произошло.

– Как вам не стыдно! Совести у вас нет так шутить!

---

[1] Чжан – мера длины, равная в современном исчислении 3,2 м.

– Ах, так это я здесь злодей? – Посмеиваясь, Го Бохай смерил насупившегося ученика лукавым взглядом и с интересом склонился над торчащей веточкой злосчастного растения. – Я слышал, говорят, будто к этому дереву не может приблизиться демон. Ты, верно, решил проверить, правдивы ли слухи? Или же нет, твою проверку проходил не «Дар императора», а этот учитель?

Убедившись, что все спокойно, наследник приложил ладонь к груди, будто успокаивая себя. Го Бохай прекрасно видел, что от одолевших чуткое сердце вины и стыда У Чан не в силах произнести ни слова, а потому смягчился. Все же сам оплошал: многое скрывал от своего ученика. Поэтому, обернувшись, осторожно положил ладонь на его опущенную голову.

– Этот учитель прощает тебя, но впредь просит не подвергать столь неожиданным волнениям. Ведь наследник знает, что может доверять мне, не так ли?

Мягкий голос наставника всегда оказывал почти магическое влияние, сегодня же он звучал особенно проникновенно. Неудивительно, что У Чан тут же радостно, хотя и сдержанно, совсем как взрослый, закивал. Го Бохай подумал, что, будь у мальчишки хвост, он бы сейчас неистово вилял им, большим и пушистым, во все стороны.

Улыбнувшись в ответ, Го Бохай присмотрелся к деревцу и сделал вывод, что его высадили в саду прямо на тропе: убрали брусчатку, разрыхлили и углубили землю для корней, а свежий зем у ствола присыпали мелким камнем. Вышло очень даже неплохо. Выглядело так, будто «истинному совершенству» тут самое место: он не преграждал дорогу идущим и своим видом не затмевал красоты других растений. Однако, как бы хорошо ни выглядела работа, Го Бохая кое-что волновало:

– Как думаешь, будет ли рада госпожа, когда узнает, что ради этого учителя ты высадил дерево без ее ведома?

– Вам не о чем беспокоиться, я лично переговорю с матушкой. – В хрипловатом голосе У Чана зазвенел металл. – Мои подарки не должны доставлять вам неудобства.

От удивления наставник не знал, что сказать. Все на Севере знали сад на горе Хэншань и называли его между собой резиденцией госпожи У. Любую свободную минутку она посвящала любимым растениям, контролировала все – высадку, подпитку, уход. Многие мечтали, оказавшись на аудиенции с главенствующими господами, посетить местную красоту. Где, как не в этом саду, можно встретить хризантему оттенка чистого солнечного света? Раньше У Чан старался не перечить матери, если заранее знал, что потерпит поражение. Но сейчас…

«Так ли хорошо я знаю своего ученика?» – в который раз за вечер спросил себя Го Бохай.

* * *

Наставник и воспитанник плавно переместились в зал знаний. У Чан вошел первым. Каково было его удивление, когда он заметил запустение и разруху: распахнутые настежь окна, в воздухе витает цветень от распускающихся на горе деревьев; столик наставника, стоящий в центре помещения, словно главный среди малочисленной мебели, завален письмами – стоит задеть краешек бумажной горки, и вся она развалится. У Чан хотел что-то сказать по этому поводу, однако, бросив быстрый взгляд на безмятежное лицо наставника, промолчал. Было ясно: сюда довольно долго никто не заходил.

Усевшись за заваленный бумагами стол, У Чан все же не удержался и вслух оценил размеры запылившейся кипы:

– Сколько же тут писанины…

Го Бохай пропустил замечание мимо ушей, взял листок с края стола и зачитал:

– «На подъезде к сердцу Востока в ущелье Шуйлун будущие боги подверглись нападению банды разбойников, а также демона-змея, чья личность, к сожалению, на данный момент не установлена. Опасность незамедлительно устранена на месте Северным убийцей демонов,

именуемым У Тяньбао. Солдаты столицы Лунъюань, направленные на место нападения, не обнаружили следов…» – Го Бохай отложил листок. – Содержание довольно емкое. Здесь еще много чего изложено, но все же я желал бы услышать о произошедшем лично от тебя.

Мягкий заинтересованный взгляд учителя смутил У Чана. Рассказать все от начала до конца было довольно непросто, а о демоне-змее, как и о демоне Тьмы, У Чану не хотелось даже думать. Он постарался собраться с мыслями, но оказалось, что говорить о случившемся пока не готов. Стоило прикрыть веки, как перед глазами проносились ужасающие картины: реки крови, умалишенные смертники, изуродованные проклятьем тела… Тяжело вспоминать об этом сейчас, рядом с учителем, чья фигура излучает почти божественный свет.

Го Бохай, видя, что лицо ученика мрачнеет, успокаивающе тронул его за плечо:

– Не стоит мучить себя. Этот достопочтенный не считает тебя виноватым ни в чем.

– Учитель… я не убийца! И не желаю, чтобы вы меня таковым считали. Тот головорез сам бросился на острие цзяня. Знаю, вам не нравится кровавая слава, что я успел заработать. Поверьте, мне она тоже не по душе! Я сделал недостаточно и признаю это.

Го Бохай задумчиво смотрел на ученика, пока тот говорил. В выражении его добрых глаз было столько щемящей тоски, что У Чан решился и рассказал обо всем, с чем будущим богам пришлось столкнуться. Лишь про демона Тьмы не стал говорить – иначе, чувствовалось наследнику, это испортит вечер. Го Бохай взял другой листок со стола, но вышло у него на этот раз не так аккуратно – стопка писем зашуршала и, как река, вышедшая из берегов, разлилась по полу. У Чан кинулся собирать их и, опустившись на колени, услышал:

– Вне зависимости от нашего опыта мы не в силах все предугадать. Вариантов последствий любого поступка – уйма. Возможно, ты сумел бы спасти того бандита. Но после, вероятно, его заточили бы в тюрьму и пытали. А того хуже: кто-то еще пострадал бы от его действий. Спасая обреченного, сумел бы ты спасти самого себя? – Вопрос улетел в молоко, ибо наведение порядка так поглотило ученика, что Го Бохаю пришлось разговаривать с его спиной. – Я прекрасно помню, сколько раз твердил о цене жизни, когда ты брал отцовский клинок в руки. Однако замечу, что по какой-то непонятной мне причине свою ты не так сильно ценишь!

На мгновение руки, складывающие письма в неаккуратные стопки прямо на полу, замерли, затем принялись за дело с двойным усердием. У Чан знал: наставника ему не провести. Всем телом повзрослевший ученик ощущал пристальный взгляд уже наверняка потемневших, подобно небу в ненастный день, глаз учителя, но поднять голову не осмеливался. Вдруг ткань наставнического одеяния зашуршала совсем близко, а теплый, полный заботы голос раздался прямо над коленопреклоненным наследником:

– Оставь письма, большинство из них – пустые заискивания чиновников, которые желали должным образом выразить мне свое уважение. Ты упомянул молодого господина Мэна, который бесстрашно ринулся в бой в ущелье Шуйлун. Вы оба бились плечом к плечу, защищали и поддерживали друг друга. Считал ли ты его убийцей, когда он спасал себя и жизнь товарищей от разбойников?

У Чан отрицательно покачал головой.

– Тогда что тебя беспокоит?

– Вы, учитель.

– Я? – Ответ привел Го Бохая в замешательство. – Чем же?

– Вы ведь не одобряете насилия, а я – ваш ученик. – Хмурый наследник в упор посмотрел на наставника снизу вверх, будто не замечая его странной реакции. – Последнее, чего может хотеть этот ученик, – огорчить учителя.

Мягкий смех Го Бохая, последовавший за этим пылким монологом, развеял остатки напряжения. Из-за рухнувшей кипы писем пыльца поднялась в воздух и теперь витала вокруг улыбающегося наставника.

– Ты еще очень юн и наивен, дитя. В будущем ты примкнешь к рядам вознесенных. Покровительство – нелегкое дело. Ты будешь непрерывно разбираться с людскими проблемами, искать правильные решения, попутно сталкиваясь с трудностями Небесных устоев, и по итогу сам не заметишь, как превратишься в центр весов. Время от времени, как бы ты ни желал обратного, та или иная чаша будет перевешивать… Не всегда удается удержать идеальный баланс. Однако стоит оставаться честным с самим собой вне зависимости от того, что о тебе могут подумать.

Пока Го Бохай говорил, в его руках томился идеально сложенный в четыре раза и украшенный рисунком желтой хризантемы лист, тот самый, ставший причиной рассыпанной по полу кипы. Письмо хранило в себе сердечные благодарности из столицы Лунъюань главенствующим господам клана У за то, что в трудную минуту наследник Севера находился с ними, и за то, что его бесценная помощь спасла жизни многих. В послании Восток восхвалял храбрость будущего бога У Тяньбао перед лицом опасности и обещал неустанно поддерживать молодого господина при любой возможности.

Свеча, которую зажег сам Го Бохай, каждый раз потрескивала, когда пыльца попадала в ее огонек. Но тени учителя и ученика ни разу не дрогнули.

– Я очень рад, что твоя жизнь в безопасности. Того и гляди когда-нибудь и мне понадобится помощь северного бога У Тяньбао!

Шутливая интонация учителя разгладила морщинки меж густых бровей У Чана. Ученик позволил себе даже расслабленно улыбнуться в ответ:

– Я навсегда ваш личный бог, что бы ни случилось.

Ресницы Го Бохая дрогнули.

– Поможешь мне с письмами? Заодно расскажешь, что еще с тобой приключилось.

И наследник радостно согласился. Если бы в ближайшие несколько часов кто-нибудь прошел мимо зала знаний, то не устоял бы перед очарованием по-настоящему теплой и сердечной атмосферы, что царила внутри. Из помещения то и дело доносился заливистый смех наследника и мягкий тембр его бессменного наставника. Они сидели рядом, расположившись на подушках, что в любое другое время могло показаться неудобным, но только не сейчас. Сейчас существовали только подернувшиеся пеленой усталости бархатные серые глаза учителя и раскрасневшиеся от долгих речей щеки его ученика.

В квадрате окна уже забрезжил рассвет, а У Чан все болтал без умолку об избранных господах, о делах, с которыми они разбирались, о красивых местах, в которых успели побывать. Под его бодрые рассказы Го Бохай разделался с письмами чиновников и последние полчаса с добродушной улыбкой слушал вдохновенно размахивающего руками юношу, сложив свои безупречные ладони на коленях.

Приученный без лишних слов понимать наставника, У Чан осекся и грустно уточнил:

– Нам пора?

– К сожалению. Нужно сообщить всем о твоем приезде, иначе рискуем навлечь на себя гнев главенствующей четы. Постой! – Го Бохай взмахом руки остановил поднявшегося было ученика. – Понравился ли тебе мой подарок?

У Чан застыл, с немым ужасом глядя на по-прежнему спокойного наставника.

Глава 36. Часть 3. Возвращение на круги своя

Го Бохай без труда прочитал на растерянном лице ученика ответ на свой вопрос. По какой-то непонятной причине юнец не смог выделить пару минут на распечатывание конверта! Неужто пренебрег подарком? Но почему? Думал, что наставник – демон, и злился на него? Отчего-то мысль о разочаровавшемся в нем искреннем У Чане вызывала досаду. Наследник клана У был не из тех, кто легкомысленно относится к таким вещам, как потеря доверия.

– Учитель! Прошу простить этого нерадивого ученика, он действительно не вскрывал конверт, – стыдясь, склонил сребровласую макушку и выпалил У Чан на одном дыхании куда-то себе в ноги.

Спросить бы почему, но Го Бохай замешкался. Обычно он предпочитал слышать неприятную правду без экивоков, когда же дело касалось У Чана… Наставник вздохнул и произнес самым деликатным тоном, на какой только был способен:

– Давай посмотрим вместе.

У Чан возразил:

– Все не так, как может казаться!

– Я не прошу объяснений, я прошу письмо. Распечатай его, и делу конец.

Реакция наследника оказалась неожиданной. Схватившись за край воротника с потайным карманом, он принялся мотать головой из стороны в сторону, постепенно отстраняясь от наставника.

– Перечишь мне, да еще и противишься? Но почему?

Юнец как-то жалобно поджал губы и едва не бросился наутек.

– Нет! Убейте – не отдам!

Спор из «отдай» и «ну уж нет» продлился недолго – Го Бохай отбросил уговоры, как только У Чан отполз на приличное от стола расстояние. Тогда наставнику пришлось подойти самому. Первая попытка выудить из-за пазухи письмо увенчалась неудачей: У Чан сжался что было мочи и вцепился в нагрудный карман, будто у него отбирают последние гроши. Разумеется, Го Бохай не собирался применять силу, но его вдруг захватил азарт погони – вспомнилось, как раньше ученик так же капризничал. Вторая и третья попытки Го Бохая также провалились. Как он ни пробовал, наследник юрко уклонялся и не отступал в борьбе за свой подарок. Когда воспитанник в очередной раз подскочил, желая отползти, Го Бохай безжалостно ухватил его, да не за руку или за шиворот, а за ухо. Он легонько ущипнул, потянул его, и У Чан запищал:

– Извините! Извините! Я сдаюсь!

Едва удерживая рвущийся наружу смех, наставник выхватил помятое письмо, вернулся к столу и произнес с притворной строгостью:

– Теперь сядь и объяснись. Вопиющее непослушание! Все же я твой наставник!

Смущенный У Чан пробормотал:

– Учитель же…

– Учителем ты решил меня называть, будучи еще ребенком. Я понимающе отнесся к подобному, все же наше общение строилось именно в подобном ключе. Я был принят на службу в качестве твоего наставника. А пока сядь поближе и взгляни. – Го Бохай развернул письмо, положил его на стол и пригладил рукой.

Измятая бумага некоторое время противилась, но все же выпрямилась, явив содержимое. У Чан склонил голову над листком и удивился: вопреки ожиданиям, это оказалось не письмо, а аккуратный набросок юноши, опирающегося на меч.

– Это… я?

– Кто же еще так небрежно обращается с отцовским подарком?

У Чан мигом вспомнил тот день. Изображенная на листе сцена произошла до прибытия четырех старейшин на гору Хэншань. Тогда Го Бохай вдруг ни с того ни с сего решил, что тренировка для будущего бога посреди подготовки к церемонии Посвящения будет уместна, и наказал без устали заниматься. Большую часть времени он присутствовал лично и лишь изредка покидал тренировочное поле. В моменты, когда наследник оставался один, он опирался на меч и устраивал себе передышку. Немало людей в тот день мелькало перед глазами У Чана, но он не был заинтересован в их делах, поэтому не обращал внимания. Но, вспомнив сейчас, осознал, что все же был один мужичок частым гостем на горизонте.

– Неужели это нарисовал тот пьянчуга, называвший себя «рукой божьей воли»?

– Верно, мастер Ли. Он достиг огромных вершин в своем деле, о чем свидетельствует столичная скульптура. Не стоит ругать других за их пагубные привычки.

У Чан вновь взглянул на изображенного себя и в этот раз заметил те самые тонкости, отмечающие мастерство работы. По-видимому, из-за того, что сам натурщик не позировал, картина вышла общей, с минимальным количеством штрихов и деталей. Резкие мазки толстой кисти не только создавали ощущение движения, но и весьма точно передавали общее настроение того дня: меч казался тяжелым и неудобным, его вымотанный хозяин, стоявший на тренировочном поле с задумчивым видом, очаровывал и восхищал, а непринужденная поза юноши говорила о том, что тот все время чего-то или кого-то ждет.

Выходит, наставник пригласил мастера Ли, чтобы тот тайком заполучил все нужное для создания тяньцзиньской скульптуры У Тяньбао! Пропорции, особенности строения тела, манера держаться… У Чан был прав, когда, увидев на столичной площади исполинского себя из камня, подумал, что учитель наверняка замешан.

С грустным вздохом воспитанник уселся напротив наставника и, опустив взгляд, тихо, но четко произнес:

– Этот нерадивый ученик просит прощения.

– Принимаю. – Го Бохай кивнул. – Жаль, что ты не решился сразу признаться мне, что не вскрыл подарок, но, надо думать, для тебя это не особенно важно?

– Нет! – У Чан выпалил это так быстро, что впору было усомниться в его честности, и наставник, не желая ставить и без того смущенного наследника в неловкое положение, прервал его:

– Все же одну тему мы с тобой будем обязаны обсудить, как бы тебе ни хотелось этого избежать. Иногда и солнце вынуждено уступать место луне раньше положенного времени.

В зал знаний заглянула Минь-Минь.

– Ах, вот вы где, господин. Мне велели передать, что завтра вечером глава собирает прием в честь возвращения наследника. Вас попросили явиться раньше гостей.

Го Бохай не глядя вложил рисунок в руку скривившегося, как от головной боли, воспитанника и ответил:

– Передай владыке, что молодой господин навестит его и госпожу в час дракона[2], как только отдохнет с дороги.

– Слушаюсь.

– А вы, учитель? – Заподозрив неладное, У Чан постарался заглянуть в выразительные глаза цвета серых облаков. – Вы пойдете со мной на прием?

Вдруг Минь-Минь плюхнулась на колени:

– Не серчайте на моего господина, в последнее время он неважно себя чувствует. Доктор строго-настрого наказал восстанавливать режим сна и пить лекарства. Боюсь, если нарушить

[2] Час дракона длится с 7.00 до 9.00.

эти основные правила, господину станет намного хуже, чем сейчас. Прием же закончится к часу крысы[3], боюсь, шум только навредит.

У Чан не удивился, даже наоборот – должным образом принял сказанное, будто бы сам это уже знал. Спустя минуту он нарушил тишину:

– Так, значит, те слухи… Я слышал сегодня днем, как слуги обсуждали зачастившего посетителя поместья, но, по правде говоря, я полагал, тот лекарь приходил к матушке. Скажите, как долго продолжается это недомогание?

Минь-Минь подумала, что последний вопрос был задан ей, и потому без промедлений произнесла:

– Не меньше полугода.

– Минь! Не стоит давать юному господину поводов для беспокойства.

Девушка вздрогнула и тут же замолкла. Она сжалась, и можно было решить, что напугал ее резкий тон Го Бохая, но в действительности она испугалась того, что и правда сболтнула лишнего.

– Лекарь преувеличил, когда назвал мой недуг тяжелой бессонницей, – вздохнул наставник. – Я бы охарактеризовал это тревожным сном, не более. Однако режим отдыха мне действительно требуется соблюдать, так что, боюсь, Минь права. Звуки празднества и утомительные диалоги не принесут мне никакой пользы. Но все же я хочу, чтобы ты услышал меня и освободился от плена переживаний.

Громадным усилием воли У Чан подавил волну мучительной тревоги за самого близкого в мире человека и покорно склонил голову:

– Легко сказать – сложно сделать. Учитель хочет, чтобы я не переживал. Я попробую. Но тогда он должен позволить мне хотя бы не оставаться в стороне. Если методы этого лекаря в ближайшее время не дадут плодов, позвольте мне найти другого.

– Позволяю.

* * *

Беседа наставника и воспитанника затянулась допоздна, а потому весь следующий день Го Бохай провел в постели. Напряжение, копившееся в теле последнее время, с возвращением У Чана разом схлынуло, оставив его совсем без сил. Разбитый и уставший, он мог только гадать, как же прошла аудиенция наследника у владыки. Сердечно и шумно или формально и сухо? Да, пожалуй, второе. Ведь наедине подвигами сына не похвастаешься – не перед кем. Остается лишь надеяться, что У Чан найдет время заглянуть и поделиться новостями… Го Бохай уже принял решение, что как бы то ни было, но постарается появиться на приеме. Его все такому же упрямому и непосредственному убийце демонов в одиночку едва ли удастся совладать с подобострастно шипящим клубком змей, что будут донимать его на празднестве.

Ближе к вечеру в покоях наставника раздался громкий стук в дверь. Го Бохай прищурился, приподнявшись на кровати. Догадки мелькали быстрее молний: это точно не Минь-Минь, та стучит робко и всего пару раз, и не сребровласый сорванец – тот бы сразу принялся радостно звать его из-за дверей, как неразумный щенок звал бы любимого члена семьи. Тогда… Это люди владыки. И пришли они затем, чтобы без лишних церемоний дать понять наставнику, что его появление на приеме нежелательно. Конечно же, они переживают о его здоровье, но самое важное – это то, как поведет себя наследник клана У на своем первом взрослом торжестве в его честь. Дескать, пора юнцу отпустить край наставнического халата и справляться самостоятельно.

[3] Час крысы длится с 23.00 до 01.00.

Закончив свою речь и бесстрастно откланявшись, притворно улыбающиеся слуги достопочтенного главы неспешно удалились, а Го Бохай остался стоять в дверях, бледный и похолодевший. Пойти на прием теперь значило восстать против воли владыки. Он ведь не ослышался, ему и в самом деле только что запретили появляться на ужине в честь возвращения его ученика? Невероятно! Наставник в изнеможении опустился на первую попавшуюся скамейку у подоконника и взглянул на свои почти призрачные в вечернем полумраке руки. Он не знал, как быть. Справится ли У Чан без него?

Наследник тем временем уже несколько раз посылал к наставнику, желая осведомиться о его здоровье, но слуги возвращались ни с чем, ведь тот спал. Помня о своем обещании, У Чан решил больше не настаивать. Он явился на пиршество за секунду до появления гостей и едва успел осмотреться до прихода отца. Приемный зал, постепенно наполнявшийся нескончаемыми толпами гостей, необыкновенным образом преобразился. И дело было не в убранстве. Маленькие столики с сиденьями-подушками заменили, теперь на их месте стояли стулья с высокими спинками из дерева нанму. Колонны, удерживающие крышу, как и стены, выкрасили в желтый и красный, и гладкая поверхность благодаря освещению напоминала переливающуюся золотом яшму.

Отодвинув стул, У Чан взглянул на блестящий каменный пол, его взор устремился к центру, где сегодня вечером после прогулки по саду должны восседать глава со своей госпожой. По-видимому, теперь главенствующий господин Севера будет размещаться не вровень с пришедшими к нему – ведь места достопочтенных супругов возвышались аж на три ступени. Это напомнило У Чану об аудиенции на Юго-Западе Поднебесной: тогда глава Ба принял девятку избранных за общим столом словно кровных родственников – со всеми почестями и добрыми словами. Они все вместе ели, пили, размышляли и обсуждали наступающее будущее.

Пока приглашенные чиновники, советники и приближенные генералы за разговорами продвигались вглубь, к столам по левую и правую стороны зала, У Чан разглядывал поданные кушанья. Головы красной улитки в чесночном соусе с имбирем и перцем[4]; пельмешки в форме полумесяца с сочной начинкой из мяса и разнообразных овощей; утка с золотистой, подобно карамели, корочкой; наваристый суп из нежной баранины[5]. Все было щедро приправлено. У Чан окинул взглядом лишь часть стола, и в его голове пронеслась мысль: «Всем этим можно прокормить целый город, а выпивкой вусмерть напоить армию».

Заполненный до отказа зал утонул в шуме, гости наперебой обсуждали личные дела, и им, казалось, не было никакого дела до хмурого сребровласого юноши, затравленно оглядывающегося по сторонам. Но стоило статной фигуре его отца показаться в дверях, и все как по щелчку замолчали. В помещении стало ярче – пламя свечей вытянулось, когда окружение вдруг замерло. Серьезный и сдержанный, владыка молча в полной тишине прошел к своему столу и только здесь позволил себе улыбнуться одним уголком губ:

– Простите, дорогие гости, неотложные дела.

В следующее мгновение У Чана едва не унесло потоком лестных слов, обращенных к владыке:

– Достопочтенный глава уважил нас своим появлением! За срочные дела не извиняются, это мы наверняка пришли раньше положенного.

– Мы безгранично благодарны вам за приглашение. Позвольте поздравить вас: такой сын, как у главы, – дар. Клану У благоволят Небеса!

– Слышал, глава благополучно разобрался с чиновниками, которые надумали нагреться за счет налогов горожан, – позвольте и с этим поздравить!

---

[4] [###] – «красная улитка» – блюдо из морепродуктов, таких как мидии или улитки, которые обжариваются с различными специями и соусами, с пикантным вкусом и ароматом.

[5] [####] – «бараний суп» – традиционное блюдо северо-западного региона Китая, состоящее из баранины и лепешек, которые затем замачиваются в супе или бульоне.

– Да не просто разобраться, а… – Мужчина прервался на полуслове, когда в приемный зал вошел еще один не менее важный человек. – Госпожа! Ваше появление радует глаз народа – вы прекрасны, как ясная луна средь распустившейся весенней ночи!

Толпы подхалимов, как считал У Чан, или карьеристов, по мнению Го Бохая, столпились вокруг двух фигур и осыпали главенствующих лестными словами. Кто-то без конца твердил о девичьей красоте, унаследованной госпожой от матери, кто-то чествовал достопочтенного главу У и его расчетливый ум. В какой-то момент их похвалы и вовсе переросли в излюбленную в высшем обществе игру: один восхваляет деяния собеседника, а тот в свою очередь в разы преуменьшает собственные заслуги. Победить в подобной игре невозможно – на то и расчет.

У Чан поднялся навстречу матери и, коротко поклонившись, поприветствовал ее парой формальных фраз. И неожиданно для себя добавил:

– Рад видеть вас после долгой разлуки, матушка-государыня.

На ее красивом припудренном лице мелькнуло странное, немного растерянное и словно бы болезненное выражение, но отточенный годами отчуждения навык безукоризненно держаться на людях помог ей быстро совладать с нахлынувшими чувствами. Ее взгляд вновь стал холодным, а губы тронула приторная улыбка, когда она без тени искренней привязанности вернула сыну его приветственные любезности и прошла к своему месту. У Чану ничего не оставалось, кроме как сесть обратно и заняться свежеприготовленными закусками из острого краба[6].

Но спокойно поесть на пиру в свою собственную честь оказалось невыполнимой задачей. Напротив отдающего дань деликатесам наследника уселся человек и тихо усмехнулся:

– А я думал, ты не появишься, молодой господин У. Еще и без учителя, как необычно! – Бань Лоу явно наслаждался тем, что является главной язвой для наследника клана.

У Чан про себя отметил, что юноша выглядит впечатляюще: закончив фразу, он махнул рукавом в сторону, медленно протянул руку к грозди на столе и, оторвав виноградинку, подкинул ее вверх и словил губами. От него веяло томным ароматом уверенности, и этого нельзя было не почувствовать.

Окинув взором пустующие в зале места, У Чан не удержался:

– А что же ты один? Цюань Миншэн не был удостоен чести сопровождать тебя этим вечером?

– Какой ты сегодня внимательный, Чан-Чан!

У наследника глаз дернулся, обычно так к нему обращался только Мэн Чао.

– Жаль только, таких простых вещей не понимаешь. Семейство Цюань – в прошлом дешевые торгаши, ни один из них так и не решился прыгнуть выше головы. Здесь Миншэна будут больше терпеть, чем потчевать искренними улыбками.

Бань Лоу пристально всматривался в непроглядную темень глаз напротив и не мог удержаться от легкого поддразнивания. Разумеется, хитрец заметил, что наследник клана раздался в плечах, а его и без того густые волосы разлились по плечам и спине рекой расплавленной стали. И теперь Бань Лоу думал о том, поумнел ли щенок хоть немного или все же кинется в драку.

У Чан склонил голову набок и, в точности копируя манеру держаться собеседника, обхватил кончиками пальцев верхние края чарки и слегка поиграл кистью, будто стремясь раскрыть аромат напитка. Дождавшись, когда взгляд удивленного развернувшейся сценой Бань Лоу скользнет по его руке и вернется обратно, он притворно грустно вздохнул:

– Лестно ты о своем приятеле отзываешься.

– Вот именно что о приятеле. Как хочется, так и говорю, – недовольно пробурчал Бань Лоу. Разом растеряв всю свою игривость и с раздражением закинув еще одну виноградину в

[6] [###] – «острое жареное крабовое мясо» – блюдо, для которого кусочки крабового мяса жарятся с различными острыми специями, перцем, чесноком, имбирем и другими приправами. Часто подают как горячее закусочное или основное блюдо.

рот, он откинулся на спинку стула: – Тем более, если бы не мой отец, он бы никогда не встал на один уровень со мной. Миншэн рад быть мне приятелем. В отличие от некоторых.

Договорив, Бань Лоу не услышал ничего в ответ – ни критики, ни сарказма. Вдобавок его собеседник с издевкой отвел взгляд глубоких черных глаз куда-то в сторону. Оказалось, что после возвращения в родные края Бань Лоу и У Чану совсем не о чем стало разговаривать. Да и о чем, когда все годы юноши провели в холодной вражде и ненависти? Судьба действительно злая шутница – усадила кота и собаку за общий стол!

Потихоньку гости проходили глубже в зал, и вот за столом уже сидела пара-тройка генералов. Вдруг они приметили того, из-за кого устроили торжество. Один из военачальников поинтересовался:

– Молодой господин, как вам возвращение в родные края? Все ли было спокойно на обратном пути?

Не успел У Чан и подумать над ответом, как к нему обратился другой:

– Никак иначе! Ведь вплоть до границ Севера и Юга каждого из молодых господ сопровождали по три взвода первостатейных солдат дома Луань. При этом для безопасности будущих богов их кортежи передвигались исключительно днем, а уже доехав до родных краев, они были переданы под нашу защиту.

– Тогда как же так вышло, что молодой господин У оказался в Тяньцзине раньше остальных? – прозвучал скользкий вопрос молодого господина Бань.

Генералы переглянулись. Для У Чана реакция мужчин оказалась довольно предсказуемой, ведь никто из присутствующих кое-чего не знал: та повозка, в которой наследник клана должен был прибыть в родные края, уже на подъезде к границе была пустой! Осведомлен был лишь личный слуга, который весь путь до горы Хэншань скрывал этот факт от других.

– И ведь правда! Когда мы прибыли, Тяньцзинь уже был охвачен праздничным настроением! Я бы в жизни не подумал, а уж тем более не стал бы… – Дальше мужчина продолжил шепотом: – Однако, молодой господин, скажите, вы же не пытались обвести нас вокруг пальца? Если выяснится, что все это время мы охраняли пустую повозку, гнить нам до скончания своих дней в темнице.

– Ну вы и сморозили, генерал Бо! – произнес мужчина рядом. – Вы слишком мнительны. Подумать только! Конечно же, все не так, да и не нашего ума это дело. Молодой господин был избран вознестись, неужто вы думаете, что ему кто-то может навредить? У Тяньбао неведом страх! Наверняка на своем пути он уже открыл непостижимые для нас, смертных, силы!

Сидевший справа от говорящего Бань Лоу поперхнулся цветочно-фруктовым напитком и закашлялся. Немного погодя он прокряхтел:

– Силы? Неведомые смертным?

– Именно так! – твердо заверил голос из-за спины.

Обернувшись, генералы и юноша обнаружили Бань Хэна, свободно размахивающего веером:

– Позволите, я присоединюсь?

Кучка генералов сдвинулась, и на освободившееся место сел начальник округа Цзыю, доброе расположение духа которого вызвало волнение у юных господ за столом.

Один из сопровождающих Бань Хэна устроился рядом:

– Можно ли уже вас поздравить, уважаемый? До нас дошли радостные вести! Глава У назначил вас начальником сразу нескольких округов. Под вашим чутким управлением малые кочевые народности в землях близлежащих провинций точно остепенятся!

Мужчина рядом цокнул:

– Ай-я, одним поздравлением тут не отделаться, вот, позвольте поухаживать за вами… – Чарка старшего господина из семейства Бань наполнилась напитком приятного розового

оттенка. – Теперь-то дела у вас пойдут куда лучше и быстрее, ведь ранее вы не могли и простого административного указа отдать без разрешения госпожи.

– Вы преувеличиваете… Под чутким контролем госпожи У дела отлично решались. – Не отводя взгляда от наследника клана, господин Бань Хэн отпил из чарки. – Да и неправильно поздравлять меня с таким обычным делом, когда перед нами выдающийся юноша, в честь которого устроен праздник. Тем более что никто из нас так и не разузнал, какую неведомую смертным силу приобрел молодой господин У. Сколько уже на вашем счету поверженных демонов?

– Два! – воодушевленно воскликнул один генерал.

– Какие же два? Один с горы Хэншань, а два других на подъезде к городу Лунъюань! Выходит, три, – поправил второй.

У Чан растерялся. Если рассуждать по совести, то его руки еще не были испачканы кровью нечестивцев, а генералы в своих суждениях явно обсчитались, о чем стоило бы им сказать. Всего у наследника было два столкновения с демонами: впервые на горе Хэншань, а после в ущелье Шуйлун, как и сказали ранее. Однако это в сумме получается два, но никак не три. Как раз об этом сообщил господин Бань Хэн:

– По-видимому, вы, генерал Бо, под третьим подразумеваете разбойника из водяной долины. Это важное уточнение! Ведь принято считать, что даже самый обыкновенный демон по силе равен десятку взрослых крепких мужчин.

– Если так, то наш милый господин, сын достопочтенного главы, наследник клана, намеренный вознестись и занять высокий чиновничий пост в небесном чертоге, очень даже опасен. Вы только вообразите, скольким воинам равен по силе демон-змей, и сами испугаетесь цифре в вашей голове!

На некоторое время все за столом притихли. Даже новоприбывшие и подслушивающие этот разговор задумались. Облокотившись на стол и положив голову на руку, Бань Лоу привлек внимание окружающих своим вопросом:

– Ну так и? В чем ваша сила, молодой господин?

Тут же несколько десятков пар глаз вперились в У Чана. До всего этого первой же мыслью наследника было переубедить всех, просто сказав: «Вы ошибаетесь, такого не было, я не убивал этих демонов!» Однако гости все время перебивали друг друга, да и только. И вот, когда выпал шанс, а зрители с интересом ожидали ответа – причем ответа, касающегося способностей будущего бога, а не количества поверженных им, – У Чан вдруг осознал, что он и слова обронить не может. Его взор по неясной для него самого причине устремился на двух людей, восседающих в центре зала, – главенствующих отца и матушку. Разумеется, их уже облепили люди, веселившиеся и болтавшие без умолку. Они шумели так, что их было не перекричать. Однако из-за того, что пьедестал был расположен выше уровня пола, лица родителей были видны четко, как пагода[7] для хаотично дрейфующей лодки.

По-видимому, неосознанное действие У Чана было желанием увидеть их одобрение. Вместо этого будущий бог ощутил на себе внимательный взгляд главы. Мысли мужчины пронеслись в голове сына, а тяжелые брови и прищур глаз смотревшего сверху вниз как бы намекали: «Говори то, что будет правильным, а не то, что тебе вздумалось».

Несмотря на то, что У Чан потратил время на раздумья – пусть и всего несколько мгновений, – сказать он все же ничего не смог. Вдобавок выражение лица отца и обеспокоенный вид матери стояли перед его глазами.

На одном дыхании генерал Бо прошептал:

– Ну что же вы скромничаете, юный господин? Прошу, порадуйте же нас скорее!

– Д-дело далеко не в скромности, – отозвался У Чан, сжимая свой подол руками. – Было бы о чем разглагольствовать… я просто…

[7] Пагоды для лодок в озерах и реках часто выступали и маяками.

– Просто выполняли свой долг! – подхватил один из мужчин.

– Да нет же… – успел обронить наследник, но другие уже принялись осыпать его сопутствующими вопросами.

– Какой же силы удар молодого господина, раз он считает это обычным долгом?

– И это мы, уважаемые, только про демонов говорим! Вообразите, скольким культистам не свезло во время осады столицы Лунъюань повстречать будущего бога У Тяньбао на своем пути. Так и вижу потрясение на их лицах, когда они поняли, перед кем стоят!

– Невероятный юноша… – отметил господин Бань Хэн.

– Если честно, таким я вас себе и представлял: великодушным и неиспорченным амбициями – лишенным всяких клеш. В вас с рождения был сокрыт талант, это я понял, наблюдая за вами, еще когда вы были юны.

– А как же спасение госпожи Луань Ай? Если бы не вы в ту роковую ночь, того и гляди Восток был бы охвачен бесконечным горем!

– Тогда от меня мало что зависело, – спокойно заверил У Чан. Но тут же четко ощутил, что сделал то, с чем весь вечер страшился столкнуться. Лица присутствующих так и поплыли от изумления, будто горячий воск по подсвечнику.

– Как же ничего не зависело? Зависело, еще и как!

– Диву даюсь такой скромности! Нам бы поучиться у нынешней молодежи. Многие знают подробности письма, что направил дом Луань. Такое количество подвигов, а вы все скромничаете! Северный убийца демонов…

– Верно, Северный убийца демонов!

В жарком обсуждении чарки господ наполнились обжигающим губы напитком и в тот же миг опустошились. У Чан вступил в излюбленную обществом игру, в которой никогда не побеждал. Теперь восхваления и похвала, доставляющие наследнику изрядный дискомфорт, только увеличатся, а то и вовсе станут несуразными по типу: «Вы невероятно привлекательный молодой человек, все тяньцзиньские красавицы будут вашими».

Многие генералы старались остаться в памяти У Чана, обратить на себя его внимание, чтоб в будущем при удобном случае получить от него снисходительную помощь с Небес. Единственный, кто явно ни слова доброго не произнес в адрес У Чана и всеми силами держался не съязвить, – Бань Лоу. Он с самого начала светской игры в любезности скривил лицо, но полностью безучастным не остался. Кто из присутствующих, как не он, хорошо понимал характер У Чана и знал, что тот из себя представлял? Юноши часто пересекались и изучали друг друга в спорах и мелких перепалках. Бань Лоу прекрасно знал: больше всего на свете наследник не выносит лестных речей в свой адрес. Так что и он приложил свою руку, подкидывая пару вопросов в разгоряченную толпу.

У Чан был вынужден принимать участие в разговорах. Не уйдешь же с пиршества, устроенного в твою честь! С недовольством и смирением он подыгрывал гостям, отвечал на их вопросы, мучаясь даже больше, чем от изнурительных тренировок под палящим солнцем. Вдруг один из генералов, явно перебравший горячительных напитков, перебил все разговоры нелепым и даже безумным предложением:

– Молодой господин! Позвольте хотя бы попробовать потягаться с вами в силе? Борьба на руках или же на мечах во внутреннем дворе – выбирайте!

Рядом сидящие мужчины расхохотались:

– Генерал Цзинь, вы что о себе выдумали? Хотите, чтобы У Тяньбао сломал вам руки и гордость?

– Вот так наш выпивала охрабрел! Давай-ка ты собирайся домой, женушка, наверное, уже заждалась.

– Да нет же, – продолжил нетрезвый генерал. – Вы не понимаете. Для меня будет честью, даже если я упаду в грязь лицом!

– В грязь лицом-то ты упадешь, вот только в прямом смысле.

Хорошо, что этого разговора не застал глава. Все за столом покатились со смеху. Даже едкого Бань Лоу рассмешило сказанное, и он бросил на У Чана нечитаемый взгляд из-под длинных ресниц. Господин Цзинь продолжал настаивать:

– Только вы, молодой господин, уж сильно меня не колотите и вовсе не применяйте свою нечеловеческую силу. А то пока что моя жизнь мне дорога…

Два других генерала подхватили захмелевшего под руки и попытались вывести.

– Нет, молодой господин же ничего не ответил!

– Даже не надейся. У Тяньбао из уважения и сострадания к тебе молчит, балда.

– Какой позор, на глазах главы подобное устраивать…

С этими словами два уверенно стоящих на ногах человека выволокли генерала и скрылись из виду под звонкий смех. Следом мужчина в чиновничьих одеяниях обратился к У Чану:

– Прошу, молодой господин, не губите судьбу этого простодушного. Ему чужды изящные обороты речи, ему удобнее выказать свое уважение в состязании, нежели ломать голову в подборе слов.

У Чан с выражением лица, которое можно было интерпретировать как «не тревожьтесь», махнул ладонью.

– Никто из присутствующих здесь не сможет потягаться с вами ни в силе, ни в ловкости, – продолжил чиновник, – разве что… Бань Лоу, хотя мы мало что о нем слышали.

Бань Лоу ощетинился, как дворовый кот.

– Что же вы такое предлагаете? Пытаетесь двух будущих богов лбами столкнуть? А если кто-то из нас затаит обиду, как нам после уживаться на Небесах?

– И то верно… – согласились гости.

Вот кто-кто, а из двух юношей – У Чана и Бань Лоу – второй действительно владел искусством вести разговоры, хотя и было заметно, что его сама мысль о состязании действительно встревожила. Конечно, ничего страшного не произошло бы, проведи будущие боги показательную битву для зрителей. Однако Бань Лоу был прав – проигрыш навсегда растопчет гордость одного из них. Тем более неизвестно, как отнесется достопочтенный глава У к семье Бань в случае проигрыша наследника клана.

У Чан поднялся из-за стола, и до его слуха долетел вопрос:

– Неужели вы…?

– Нет, я просто хочу немного прогуляться.

Глава 37. Часть 1. Грезы, от которых не скрыться

Весь вечер Го Бохай пролежал в кровати, окруженный тусклым, но приятным светом и прохладой постельного белья. Лицо его, умиротворенное и бледное, застыло восковой маской. С наступлением ночи наставник задремал было, но почти сразу открыл глаза, почувствовав, как над ним кто-то навис. В поле зрения возникло порядком посвежевшее личико Минь-Минь.

– Что ты делаешь? – вяло спросил Го Бохай, приложив руку ко лбу.

– Лекарства. – Служанка держала блюдце, от которого смердело едким запахом целебных трав. – Вы их снова не приняли. Почему игнорируете наставления лекаря? Это уже не первый раз. Хотя господин и считает диагноз неверным, мне показалось, он отнесся к вопросу довольно серьезно. Прошу, примите их, чтобы я спала спокойно.

– Бессмысленное занятие… Они лишь делают хуже.

Минь-Минь поставила блюдце на письменный столик в нескольких шагах от кровати.

– Господин, вы уж простите, но своевольничаете вы, а ответственность несу я. Если не желаете их пить сейчас, то хотя бы примите, если почувствуете себя хуже.

Мужчина пробурчал:

– Не надо, не ставь их так близко ко мне. Так только сложнее уснуть. Не беспокойся. – И отвернулся.

Го Бохай с головой зарылся под одеяло. Спустя какое-то время без сна он раздосадованно вздохнул и сел на кровати. С уходом служанки пропали и легкая прохлада, и приятные ощущения от мягкого света. Потому он взмахнул рукой – тонкая свеча погасла, а створка окна приоткрылась. В комнату проник свежий ветерок, однако Го Бохай задыхался в тисках бесконечных мыслей.

Вдруг из открытого окна донеслись голоса прибывших на гору гостей. Всего лишь неразборчивая речь откуда-то издалека, но наставник понял, что торжество удалось на славу. Он бросил взгляд в сторону, откуда исходил шум, будто это помогло бы ему расслышать четче, что именно выкрикивают захмелевшие люди, и вдруг услышал:

– Го Бай!

Его окатило колючим холодом. Толпа на улице продолжала гудеть, а явственный одинокий голос звучал навязчиво и был то женским, то мужским. В какой-то момент показалось, будто бы он раздается прямо над ухом – настолько отчетливым он был. Го Бохай закрывал уши руками и подушкой, но все попытки оказались тщетны: теперь фразы встревоженных и молящихся людей зазвучали в его голове.

– Скажи, Го Бай, теперь ты мне веришь?

– Ты с ума сошел? Не верь ему!

– Золотко, ты ни в чем не виноват…

Го Бохай пытался вдохнуть, но грудная клетка подобно тюрьме сжимала заполошно бившееся сердце. Как раненый и забившийся в угол зверь, он не знал, куда спрятаться. Раз за разом он умолял себя успокоиться, пробовал погрузиться в медитацию, но ничего не выходило. Как тут думать о каком-либо сне? Однако с завершением бурного празднества и воцарением спокойствия на горе чудесным образом и голоса покинули его разум. В тяжелой вязкой тишине Го Бохай наконец задремал.

Но драгоценный сон вновь прервали – кто-то толкнул наставника в спину. Да так сильно, что попытка разбудить мужчину, если она таковой являлась, вышла грубой. Не успел Го Бохай обернуться к напавшему, как его скинули на пол и крикнули:

– Ты что, слепой? Смотри, куда прешь! Лошадь мне чуть не загубил своим тощим тельцем! Повредишь груз – будешь платить! Ну? Чего разлегся, как на кровати? Вставай, а то скажут, что это я тебя пришиб!

Несмотря на боль в спине и коленях от падения, в голове Го Бохая мелькнуло: «Лошадь?»

Кто-то подбежал и воскликнул:

– Ах ты, сын вшивой суки! Себе и своей полудохлой кобыле глаза прочисть, прежде чем на дорогу выезжать! Да ты хоть взгляни, кого сбил!

Сиплый мужчина, который обругал Го Бохая, возмутился:

– Что ты мелешь, старая? Он же сам на моем пути возник из ниоткуда – как снег на голову свалился! Кто это может быть, нет времени рассматривать. Пусть скажет спасибо… О Небеса! – Извозчик спрыгнул и взволнованно добавил: – Я… я… мне очень жаль! Вы в порядке?! Послушник, мне ужасно жаль! Давайте я помогу.

Го Бохая подхватили под руки и подняли. Перед его глазами все поплыло. Только спустя время он увидел, что находится не в собственных покоях, а на пыльной дороге весьма оживленного городка.

Справа от него стояла женщина средних лет, которая все ворчала:

– Старый хрен! Дите еще жизни не повидало, а ты его угробить решил! Дорогой, как ты? – обратилась она к Го Бохаю.

Слева находился заросший мужчина, видимо хозяин лошади и повозки.

– Не кряхти, мне же очень жаль. Чтоб ты знала, я своим грузом был готов пожертвовать, чтобы не наехать на мальца! Го Бо! Скажи, что болит?

Го Бохай никак не мог собраться с мыслями: стоял как вкопанный да хлопал глазами, глядя на свои разбитые в кровь колени и ладони.

– Божечки, да как так-то! Посмотри, что ты натворил! – выругалась женщина, увидев эти раны. – Скорее пройдем в мое заведение, я тебя подлатаю!

Мужчина выдернул Го Бохая из рук женщины.

– А не, так не пойдет! Сбил Го Бо я, значит, виновник его увечий – я, так что заглаживать вину мне!

– И куда ты его в таком состоянии поведешь? Что, на свою повозку посадишь – и к себе домой, на край города? Посмотри на раны – их срочно нужно промыть!

Слово за слово оба принялись спорить из-за так называемого Го Бо, будто за кусок хлеба. Покуда шла ругань, наставник окинул взором городок и его жителей. Все вокруг было слишком типовым: деревянные красные домики, какой-то больше, какой-то меньше, протоптанная дорога, вдоль которой шли и ехали люди, одетые в одинаковые неброские серо-зеленые одеяния. Улица казалась нескончаемой, разветвлялась на переулки, на каждом шагу стояли торгаши и лавочники. Размеры территории – вполне как у больших, густонаселенных городов, вот только вокруг не было ни указателей, ни ярких вывесок, совсем как в деревне. Немного погодя Го Бохай совершенно точно заключил про себя, что это город. Но какой?

Старик раздосадованно сплюнул:

– Хорошо, твоя взяла, веди его в свое заведение. Вот, возьми. – В благодарность он протянул женщине пару монет и пояснил: – Возьми-возьми, напои и накорми его, а остаток потратьте на новую одежду. Го Бо очень помог мне с женой, когда та захворала. Совесть загрызет, если уйду просто так.

– Ха! Дун Хэ, ты уж с совестью своей как-то сам договорись, – воспротивилась женщина в годах. – Чтобы угостить Го Бо, мне не нужны ни твои, ни его деньги. За все его добрые дела я бесплатно обслужу мальчика!

Тогда настойчивый благодетель обернулся к Го Бохаю и попытался вложить деньги ему в карман, однако, как только дотронулся, услышал:

– А, не стоит! У вас же в семье имеются маленькие дети – покуда вы один трудитесь, каждая монета имеет свой вес. Подумайте лучше о них, господин Дун. – Произнеся это, Го Бохай потрясенно застыл. У него и в мыслях не было говорить что-то подобное, к тому же

никого с фамилией Дун он не помнил, но слова его звучали так уверенно, будто бы он лично был знаком со всей семьей старика.

Глава незнакомого наставнику семейства настойчиво продолжил:

– Ну как же, Го Бо, ты нам тогда так помог. Мы были без гроша и не смогли как следует отблагодарить. Сейчас же все переменилось: я хорошо подзаработал на извозе, обновил повозку, и даже лишние монеты остались. Вот, возьми.

Судя по разговору, и этот человек, и женщина, и Го Бохай, точнее Го Бо, знали друг друга очень даже неплохо. Однако наставнику это начинало не нравиться: он словно оказался актером в странной пьесе, в которой не может ничего изменить по собственной воле.

Вторую попытку вознаградить послушник Го Бо, к удивлению Го Бохая, тоже пресек:

– Лишнего не бывает. Купите на это Дун Ли и Дун Ми угощений. – Слова вновь были неподвластны наставнику – он будто бы под заклятьем говорил то, чего на самом деле не думал.

Окружение, люди и их беседы – без сомнения, решил он, все это не более чем сон из прошлого. Возможно, это то, что попало под влияние забвения? Однако Го Бохай все еще не мог ответить самому себе, как давно это произошло и где он находится. Даже возраста своего вспомнить не мог. Его лишь преследовало навязчивое чувство, что когда-то он уже был в подобной ситуации и в подобном месте.

Сознание человека – хрупкая вещь: с годами многие детали пережитого стираются, в воспоминаниях остаются лишь образы и привязанные к ним эмоции, даже лица дорогих людей под гнетом времени обретают неузнаваемые лики. И это все только наяву, в сновидениях и подавно все принимает неясный вид.

Представленное же не выглядело как чей-то вымысел или навязчивый образ, оно, наоборот, казалось ему каким-то родным и подлинным. Вдобавок в обычном сновидении человек чаще всего владеет своими телом и речью, сам решает, что сказать или сделать. Очутившийся же во сне под влиянием печати Забвения остается лишь наблюдателем да слушателем – события текут, как воды в бурной реке, и никто не в силах им воспротивиться.

Не успел Го Бо отказаться, как добрая женщина быстро повела его по закоулкам, которые ничем не отличались друг от друга. Впрочем, в этом потускневшем городке было нечто незабываемое – запахи: первым же делом посещающий подобное место человек прикроет лицо, дабы не вдохнуть зловоние, исходящее от многочисленных рыбных прилавков и коптилен. Го Бохай удивился: сквозь смрад пробивался стойкий и до боли знакомый ему аромат, что обычно разливается в воздухе после дождя.

Наставник обратил внимание на еще одну немаловажную деталь: каждый, кто встречался с ним взглядом, неизменно улыбался ему.

– Послушник Го, здоровьица вам!

– О, младший братец хромает, не поранился ли? Можем ли мы вам чем-то помочь?

– Обязательно заходите на обратном пути в мой павильон – угощу восхитительным напитком из чайной розы!

Этих добрейших людей, как и женщину и извозчика с дороги, Го Бохай так и не вспомнил, а потому очень скоро бросил попытки воззвать к своей памяти и прислушался к самому Го Бо, в теле которого находился. Тот же послушно шел за настойчивой женщиной, немного смущался от добродушия местных жителей и ради приличия дарил улыбки всем встречным – даже тем, кто на него особого внимания не обращал. Один мужчина недобро зыркнул в его сторону. И все же Го Бохай ощущал, что сердце Го Бо трепещет, как маленькая певчая птичка при виде утренних лучей солнца. Вот только это волнение не походило на испуг, неужели он был раздражен?

Раз вспомнить ничего не удавалось, Го Бохай принялся размышлять, надеясь хоть так приблизиться к разгадке сна. Молодой человек, в чьем теле он оказался, неопытен и юн, но насколько? Точно не ребенок, ведь имя Бо было выдумано им в первый же день, когда он в

облике смертного посетил Поднебесную. Эта мысль тут же пробудила воспоминания, хотя и не совсем нужные.

Спустившееся с Небес божество в облике бедного паренька повстречало девушку у широкой реки. Ведра, которые она держала на широком и длинном коромысле, казались невероятно большими для такой хрупкой барышни, потому, не успев как следует насладиться долгожданным ощущением твердой земли под ногами, он поспешил на помощь незнакомке. После чего в рамках приличия двум молодым людям пришлось представиться. В тот момент властвующий над дождями и грозами Го Бай оплошал: вместо того, чтобы еще в Небесной столице побеспокоиться о своем псевдониме для мира смертных, он взял да почти представился своим полным именем. Успел лишь в последний момент сообразить и произнести: «Бо». Так в одной из деревень, куда он впервые заглянул, его и узнали как Го Бо.

Цель у Го Бая была довольно понятная: лично помочь смертным из разных краев Поднебесной, при этом не обращаясь к своим помощникам и последователям. По сути, он занимался тем же, чем и когда сам был последователем небесного наставника Лун Мэйфэн: в одном крае – засуха; в другом – река вышла из краев; в третьем и вовсе жители своим невежеством оскорбили одного из небожителей. Иногда доходило до того, что Го Бай был вынужден разбираться с прямыми обязанностями Лун Мэйфэн. Богиня ветров была категорична в своих решениях, можно даже сказать, являлась одной из самых жестких и решительных женщин, проживавших в белоснежных облаках. Мало кто желал открыто конфликтовать с ней. Однако и на Небесах бывают плохие дни. Когда столкновений все же было не избежать, она доверяла Го Баю со всем разобраться – наверное, именно тогда он и получил бесценный опыт поиска выхода из патовых и необычных ситуаций. Дел у молодого бога было как семян в спелой дыне Запада[8].

Так, оказавшись в Поднебесной впервые после вознесения уже не по чьему-то велению, молодое божество наивно решило научить людей любви, прощению и добру. Однако столь великое начинание едва не закончилось на такой мелочи. Даже сейчас, вспомнив тот день у реки, Го Бохай смутился. Легко представить, как он порицал себя тогда за эту оплошность.

С той поры, прибывая в любую деревеньку или городок, он называл себя Го Бо – юным послушником храма Тяньтань. Сколько было таких городков? Не счесть. Как долго он путешествовал? Достаточно для того, чтобы забыть о времени, проведенном в пути. Следовательно, этих немногочисленных эпизодов, всплывших в памяти, оказалось недостаточно, чтобы понять, куда же Го Бохая забросил сон. Оставалось ждать, когда кто-нибудь из прохожих произнесет название города или что-то иное поможет пробудить нужные воспоминания.

Незаметно для задумавшегося наставника женщина привела Го Бо к большому грубо сколоченному зданию, из широко распахнутых дверей и окон которого по округе разносились голоса посетителей и запахи свежей еды. Го Бохай хотел было уделить побольше времени созерцанию скромного трактира, но его молодая версия повернулась к доброй женщине, сложила ладони и едва успела сделать легкий поклон в знак признательности, как его завели внутрь и он очутился за случайным свободным столиком.

Усадив гостя, женщина принялась тихо причитать да разглядывать замаранные рукава простенького холщового одеяния послушника. Вокруг было много трапезничавших людей – все, как назло, бросили разговоры и принялись следить за происходящим. Десятки пронзительных взглядов впились в новоприбывшего, как ядовитые стрелы. Го Бо ощутил стыд от всеобщего внимания и поспешил скрыть испачканные собственной кровью руки под столом, но от пересудов это не спасло. По помещению поползли шепотки:

– Пф, стой, ты и правда не знаешь, кого привела госпожа Сун?

– Это разве проблема? Простому человеку не стыдно не знать. Был бы обязан – знал бы.

[8] Дыней Запада называют арбуз.

– Ай, ну как же так! Этот юноша – послушник храма Тяньтань, знаток традиционной медицины, хорош в изгнании нечисти, – грозя пальцем своему собеседнику, поумничал неизвестный.

Го Бохай услышал это и хотел бы поспорить, но тело во сне было ему неподвластно, даже усмехнуться не получалось.

Еще один гость за соседним столом решил добавить:

– Поначалу люди гневались, только услышав, откуда он родом, – с Юга! Оно-то и понятно, в бывшей столице Запада солдаты треклятого дома Ба ни травинки не оставили – все уничтожили, как саранча в знойные дни. Даже их лошади не постыдились и осушили близлежащие реки. А вот с появлением этого молодого послушника и возведением храма все изменилось – на город словно снизошло долгожданное благополучие.

– Да-да, – снова заговорил первый, смотря в глаза своему невежественному другу, – вышло довольно удачно: как раз был посевной сезон, но дождевой воды не хватало – пошел проливной косохлест; рыба к рыбаку не шла – с дождями здоровые косяки поперли; охота никак не выходила – так и тут все переменилось. И месяца не прошло, как послушник стал желанным гостем в любом доме. А как он к кому-то в гости заглянет, так ту семью наутро удача и посетит! Мою матушку он вылечил от ночных кошмаров, женушку извозчика Дун – от многолетней хвори, хозяйку Сун и ее заведение – от мелкой нечисти, что шныряла по кухне и отравляла яства. И вот ты мне сам ответь, лестно ль это звучит, когда я тебе рассказал лишь малость от того, что знаю?

– Появление Го Бо в Сичжуне[9], нашей столице, – истинная удача!

На секунду к наставнику вернулось чувство настоящего: каждая мышца его спящего тела сжалась от одного упоминания города – Сичжун. Но каким бы сильным ни было потрясение, он не проснулся, а потому разговоры, долетавшие до ушей Го Бо, проникали и в сознание Го Бохая.

– Занятно все это, – заговорил человек, который впервые услышал про послушника. – Вот только, прожив здесь столько времени, я так и не ощутил ничего чудодейственного. Откуда мне знать, что все тобою рассказанное не стечение обстоятельств? Как говорят, будет день – будет и ночь, где была засуха – когда-нибудь пойдет дождь.

– Хах, правду говорят о тебе, что ты неверующий балбес! – фыркнул рассказчик. – Живешь отшельнической жизнью где-то на отшибе да появляешься на людях лишь по праздникам!

Го Бо отвлекся от беседы, когда вновь увидел перед собой хозяйку Сун. Женщина подошла с подручным, поставила на стол скромные плошки с рисом, мясом, зеленью, а юноше вручила котомку, доверху набитую яблоками, и квадратный сверток.

– Бери-бери, не стесняйся, это твое старое одеяние, что пострадало во время очищения моего заведения. Тогда тебе изрядно потрепали даопао[10], но мы все подлатали. Знала, что оно тебе еще пригодится. Сходи наверх и переоденься.

Го Бо поблагодарил хозяйку, после чего послушно переоделся и покинул трактир госпожи Сун. Самому Го Бохаю, погруженному в волнение, казалось, что бродит он бесцельно. Однако в какой-то момент неподалеку показалась группа детей, сидевших на земле и игравших с камнями. Послушник остановился и поздоровался, помахав им рукой. Они тотчас подбежали.

– Братец, ты и правда пришел, как и обещал! На этот раз ты надолго?

– Останься с нами, братец! Можешь же, можешь?

Самый маленький из детей прильнул к ноге Го Бо, вцепился ручонками и прошептал:

---

[9] Сичжун [##] – «центр запада»

[10] Даопао – даосское одеяние (халат), которое со старых времен также считалось одеждой простых людей.

– Ган-Ган скучал…

Го Бохай вдруг ощутил прилив кроткой нежности, которая совершенно точно не могла быть его чувством и принадлежала послушнику. Го Бо погладил мальчонку по голове и из-за спины достал мешок.

– Берите сколько хотите, для меня одного этого будет много.

Ручонки нырнули в котомку, и каждый голодный ребенок вынул по яблоку. Кто-то из них поинтересовался:

– Это тетушка Сун снова вручила братцу?

– Верно, – ответил Го Бо.

– Она с таким трепетом каждый раз ждет следующего шанса вручить их тебе! Я знаю это, потому что моя матушка работает у нее на кухне. Наверняка ее опечалит тот факт, что яблоки всякий раз достаются нам…

– От госпожи Сун ничего не скроешь – ее сердце зорко, потому-то и вручает так много при каждой встрече. – Го Бо заглянул в сумку и удивился: – Ох! Почему на этот раз вы так мало взяли? Оставили мне половину. Что мне с этим делать?

Ребятня просияла.

– Так праздник же сегодня! Угощений будет столько, что животы по швам пойдут!

– Братец не знал? Завтра первый день весны!

Только услышав об этом, Го Бо слегка смутился, и его реакция показалась детям довольно занятной. Малыши залились смехом.

– Братец, ты что, так заработался?

– Нужно срочно поспешить домой к семье! Твоя женушка, наверное, совсем заждалась! – воскликнул самый старший из детей.

В честь празднования Нового года[11] обычно проводят самый продолжительный фестиваль в году. Сейчас же большинство людей, вероятно, заняты немного другим: выбрасывают всякий мусор и рухлядь из дома, вывешивают символы удачи и парные надписи да готовят побольше для семейного застолья. Самой организацией масштабного празднования займутся лишь завтра – немудрено, что Го Бо не заметил городских приготовлений. Только после того как все семьи воссоединятся и отпразднуют первый день весны, в центре города развернется фестиваль с разнообразными угощениями и забавными играми, люди выставят яркие фонари и свечи для заблудших душ, которые пришли повидать родных, а сами смертные отправятся делать подношения. Гулянье закончится, лишь когда всем старым богам – таким, как Нефритовый император, – вознесут все молитвы.

Глаза детворы блестели сейчас как звезды в ночном небе. Поглядывая на смущенного Го Бо, они приговаривали: «Все же есть женушка? Кто она, братец?»

Однако Го Бохай знал, что смутил его молодую версию вовсе не праздник. С юных лет небожитель невзлюбил громкие гулянья. Веселье, радость и ликование ассоциировались у него с опасностью, застающей отдыхающих врасплох. Причиной тому было прошлое, шедшее за богом по пятам, как тень. Прошло не так много лет, чтобы память могла стереть страшные картины того, как во время празднования в честь наступления весны все семейство Го и те, кто находился в отчем доме, встретили свой ужасный конец от закаленной стали южан. Го Бай, к счастью или нет, оказался единственным выжившим. В свою очередь и Сичжун, город, в котором он сейчас пребывал, некогда пострадал от солдат клана Ба. Ранее процветавшая столица Запада с приходом вражеского войска превратилась в самый обычный, непримечательный город Юго-Запада с новым руководством.

Го Бо покачал головой.

---

[11] Традиционный Новый год в Китае также называют Праздником весны (Чуньцзе), так как после него по лунному календарю начинается весенняя пора.

– Нет у этого скромного той, что могла бы стать спутницей жизни. Нет и барышни, которой понравился бы такой бедняк, как я. – А Го Бохай умилился наивности и чистоте сердец ребятни.

– Не говори так, братец! Ты многим нравишься! – продолжали лепетать дети.

– Моя кузина до беспамятства влюблена в твою красоту!

– А моя старшая сестра постоянно о тебе ведет речи!

– Да кому нужны эти барышни? Вот я хочу стать таким, как ты! Когда достигну достаточного возраста, обязательно пойду в послушники храма Тяньтань!

– И я! – тихо добавил мальчик, не отпускавший ногу Го Бо.

– Я тоже пойду. Хочу научиться всем штучкам, которые знает братец! И тогда буду разгонять нечисть в Сичжуне, заставлять ее от страха прятаться по углам!

– Братец, а как сейчас обстоят дела с усоногими?

На долю секунды Го Бо замялся:

– Вы их снова видели?

– Конечно! – Ребятня закивала.

– Должно быть, помните, что к ним нельзя прикасаться? – серьезно уточнил послушник.

Усоногими сичжунские дети называли крупных многоножек – наверное, самых омерзительных насекомых в Поднебесной, что вели ночной образ жизни, обладали целой дюжиной пар лапок и скользким панцирем, да в довесок еще и умели ползать по стенам. Кого подобное не испугает?

Го Бо продолжил:

– Родные вас осматривают каждое утро на наличие укусов?

– Каждое!

– Да, каждое, но… братец, взгляни. – Мальчик закатал рукав. Под одеждой скрывалось красное пятно, похожее на ожог. – Она меня не кусала, ночью лишь проползла… Я тут же ее скинул, но наутро в этом месте вдруг заболело.

Ребятня склонилась над рукой, как и Го Бо.

– Ого! Ган-Ган, сильно болит?

– Страшно, наверное, было, да?

Го Бохай припомнил, что сичжунские многоножки были чрезвычайно ядовиты. Кому-то везло пережить их укус, кому-то нет. Потому детей от них берегли как зеницу ока – они чаще всего становились жертвами кровожадных тварей. В других городах эти беспозвоночные тоже водились и могли быть опасны для человека. Однако здесь, в Сичжуне, они все будто озверели и нападали на людей в домах, забирались под одежду, в посуду.

– Как хорошо, что наш братец знает, как вытравить эту гадость! Матушка очень рада, что ты согласился переночевать недавно в нашем доме.

– Усоногие делают все свои ножки куда подальше, объявись он только на пороге! – радостно захлопал в ладоши ребенок.

Однако сам послушник не знал, что ответить на такое громкое заявление. Чуть погодя он тихо произнес, словно напоминая себе:

– Как такового способа борьбы с вредителями я пока не нашел.

Тело пробрало дрожью от стыда: он вспомнил негодование в небесном чертоге, когда его обитатели узнали, при каких условиях в мире смертных задерживался бог дождей и гроз. Особенно ярко припомнил лица бессмертных, искаженные гримасой отвращения от всплывающих подробностей его скромной жизни среди людей.

Го Бо осмотрел руку мальчика и наказал:

– Нестрашно, если не укус. Скажи родителям сделать отвар из цветков льна, он быстро снимает воспаление.

– И это все? Боль пройдет?

– Без сомнений, – заверил послушник.

– А когда они оставят нас в покое? Ведь не может же все так продолжаться? Мои родные уже подумывают переехать на юг, в Дундзилун.

– Братец, мы не хотим уезжать, не хотим тебя оставлять! Когда же все станет как прежде?

Поболтав еще немного с детьми и не дав им четкого ответа, послушник закинул сумку на плечо и побрел дальше. У Го Бохая появилось время поразмышлять обо всем увиденном наедине с собой, но он вдруг понял, что почти ничего не чувствует. Эмоции Го Бо ощущались теперь куда острее, чем собственные. Да и думать становилось все сложнее – мысли путались, то и дело сплетаясь с мыслями молодого себя.

«Все же стоит побеспокоить небесного наставника визитом. Все больше местных считают, что я их спасение от нашествия многоножек, а у самого ни одной толковой догадки в голове».

Уже смеркалось, все городские сели за столы или повыходили из своих домов, чтобы навестить родных на праздновании, и чуть позже небольшие улочки наполнились развлечениями: чем ближе к площади, тем гуще становилось веселье. Вокруг все зашумело и загрохотало в сопровождении ярких красок в небе. Го Бо шел в противоположную сторону, все дальше и дальше от разворачивающегося празднества. Подойдя к городским воротам, он напоследок обернулся и едва слышно пробормотал:

– Сичжун, наверное, единственный город, где послушник храма Тяньтань прижился. Не могу поверить, будто и сам привязался к этому месту. Слишком долго я тут пробыл…

Оказавшись за стенами города, Го Бо направился к пригорку, все еще освещенному багровыми лучами заходящего солнца. Он пересек небольшую рощу и наконец вышел к дороге у равнины, которая вела на юг. Ни единой души вокруг, лишь одинокий путник, поэтично бредущий прочь от города. Го Бохаю показалось, что прошло всего мгновение, как это обычно бывает во сне, но вот уже ночь, а они с Го Бо стоят молча у журчащей реки, довольно широкой и глубокой, судя по активному течению.

Го Бохай пристальнее всмотрелся в мелкое кружево волн. Да, это та самая живая река, служащая дверью между мирами. В отражении мелькнул его прежний образ.

«Я… Он собирается переправиться через нее и, скинув облик смертного, отправиться в столицу бессмертных в своем первозданном виде небесного служителя?»

Го Бо сбросил сумку с плеча, что подтвердило догадки Го Бохая, но напоследок оглянулся и… замер. На этом же берегу неподалеку виднелся силуэт одинокого дерева – «Дар императора»!

На Юге Го Бай провел времени достаточно – столько, что в совершенстве овладел новым для себя диалектом и даже небожители стали считать его южанином. Однако родом-то он был из соседних краев. Потому отлично знал, что «Дар императора» – редкость для этих земель, тем более цветущий в такое раннее время года. Оттого и был удивлен облаченный в скромное тряпье бог.

Забросив сумку обратно на плечо, он изменил траекторию и направился к дивному дереву. Могучие ветви в сизом полумраке оказались куда красивее, чем предполагал юный небожитель. Когда он приблизился, крона будто оживилась и маняще зашуршала листьями. Го Бай поднял взгляд на самую верхушку и испытал такой мощный прилив желания, что его ощутил даже Го Бохай. В зеленом лиственном лоне покоился превосходный созревший персик! И от всплывшего в памяти почти позабытого сладкого вкуса сердце бога сжалось.

Го Бо мигом скинул груз с яблоками и одним прыжком очутился на нижних ветвях. Сильно усердствовать и карабкаться не пришлось – крона дерева, как лесенка, сама вела его к желаемому. И чем ближе юноша приближался к заветному плоду, тем тоньше и слабее были ветки. Вдруг из ниоткуда прогремел голос:

– У тебя такие ловкие ноги, хочешь, я это исправлю?

В это мгновение Го Бохай понял, что его больше нет.

Глава 38. Часть 2. Грезы, от которых не скрыться

Фраза, донесшаяся откуда-то снизу, прозвучала грозно. Го Бай, затаившись, присел на одной из ветвей и цепким взглядом окинул округу. Сознание спящего Го Бохая окончательно слилось с телом и сознанием юного себя, и наставник не осознавал более, что находится во сне.

– После я сдам тебя городской страже! Или еще лучше – начальнику округа! Со сломанными ногами от него никуда не ускачешь.

Голос показался Го Баю знакомым, поэтому в ответ он крикнул в никуда:

– Кто там говорит?

– А кто тут ворует?

Вопрос незнакомца чуть не выбил небожителя из равновесия. Го Бай и предположить не мог, что возмущение стоявшего под деревом связано с кражей! Обвинять в подобном его, небожителя?! Немыслимо! Да и разве это дерево в частной собственности? Место, где он сейчас находится, располагается далеко на отшибе, за чертой города.

Го Бай шагнул на соседнюю ветку и присел, намереваясь спуститься. И когда он уже был готов спрыгнуть, дерево неестественно содрогнулось. Ветка под ногами затрещала, пошатнулась, и бог дождей и гроз бесславно свалился с густой кроны, расцарапав себе лицо и руки до крови. Правда, приземление вышло довольно мягким, Го Бай даже поначалу подумал, что свалился не наземь, а на упругое облако, которое легонько качнулось под его весом. Открыв глаза, он обомлел. Го Бай смотрел в упор на белоснежное, как молочный нефрит, лицо незнакомого господина. И этот самый господин держал бога в своих руках с такой непринужденностью, будто это его каждодневная рутина! Уголки губ незнакомца лукаво приподнялись, добавив ему воистину недоброго очарования:

– Наш воришка, оказывается, довольно молод и не так прост!

Изумленный Го Бай молча уставился в ответ. В это мгновение он позабыл о приличиях, которых старался неукоснительно придерживаться, и в его глазах промелькнула тень раздражения. Неизвестно, чем бы кончилась эта нелепая сцена, если бы не вкрадчивый шелест. Вдруг на голову иронично улыбающегося молодого человека что-то упало, с глухим стуком отскочило от макушки и приземлилось прямо в руки Го Бая. Выражение лица незнакомца слегка исказилось, но всего на долю секунды, когда он посмотрел на дерево, словно умышленно уронившее на него фрукт. Он с нечеловеческой силой подкинул и вновь словил Го Бая, чтоб ему было поудобнее, и с притворным сожалением обратился:

– Ручки-то у тебя красивые, труда тяжелого явно не знающие, не жалко жертвовать таким изяществом ради одного персика?

Го Бай понял намек по-своему и ярко вообразил, как ему, праведному божеству, прилюдно отрубают руку за воровство. Эта постыдная картина оказала бодрящее воздействие, и небожитель, хлестнув молодого человека рукавом по лицу, незамедлительно спрыгнул на землю.

Незнакомец лишь небрежно сложил руки на груди и прищурился на приосанившегося бога.

– Это недоразумение, не говорите так, словно я удумал красть чужое. Оглянитесь! – Го Бай величественным жестом указал на окружение, однако не заметил, что вертит по сторонам фруктом, зажатым в руке. – Как можно вменять мне это в вину, когда рядом нет ни одного домишки? Любой бы ошибся на моем месте… – Он наклонился за сумкой и добавил: – Вы бы установили на видном месте табличку с надписью, кому принадлежит территория, тогда подобного бы и не случилось!

Пока Го Бай отряхивал свои скромные одежды послушника, незнакомец облокотился о дерево, положил руку на пояс и с издевательской интонацией произнес:

– Вот это мило. Любопытное оправдание для такого, как ты. Удивлен? Я тебя узнал, сиятельное божество дождей и гроз. – Го Бай насторожился. – Или же послушник храма Тяньтань, Го Бо? Кто бы мог подумать, что сегодня днем я встречу столь знаменитого господина, почитаемого как спасителя и благодетеля всея Сичжуна, а уже вечером он сам упадет ко мне в руки?

Го Бай вспомнил случайно подслушанный разговор за соседним столиком в трактире и прикусил язык. Получается, этот странный молодой человек был тем самым «неверующим балбесом», сидевшим за спиной. И как угораздило попасть в такую оказию? По-видимому, этот шутник тоже был небесным служителем – просто не в истинном обличии, – поэтому и узнал бога дождей и гроз.

– Мне отрадно слышать столь лестные речи, – спокойно парировал Го Бай, тщательно подбирая слова и пользуясь самыми высокопарными выражениями, какие только смог сыскать в закромах сознания. – Правда, не могу согласиться с вами, я вовсе не так важен для этого чудесного города, хоть и стараюсь быть для горожан полезным. Позвольте мне поинтересоваться, как ваше имя? Мне бы хотелось знать своего почитателя.

Договорив, Го Бай чинно поклонился и торжествующе взглянул на дерзкого господина. Такая возвышенно-отстраненная манера речи обычно действовала на противника как бросок песка в лицо: у несчастного скрипело на зубах и свербило под веками. Однако незнакомец не повел и бровью, его голос, тягучий и вкрадчивый, снова раздался прямо над ухом бога:

– Зачем тебе имя того ничтожного, кого ты собирался обокрасть, всемогущий господин?

Го Бай безмятежно взглянул на потешающегося, старательно удерживая на лице легкую улыбку. Он умолял себя успокоиться и не поддаваться на очевидную провокацию молодого человека, но праведный гнев уже клокотал у самого горла. Откуда у него вообще столько спеси обвинять небожителя? И в чем? В краже персика?!

– Я… – Верхняя губа Го Бая дернулась, выдавая его раздражение. – Я никогда. Не брал чужого. И уж тем более у смертных.

Их взгляды встретились, и только сейчас Го Бай понял, что ни среди горожан Сичжуна, ни где-либо еще ему не встречались люди с внешностью как у этого черноволосого господина. Который, словно природной красоты ему показалось мало, разоделся в дорогие шелка, достойные императора. Он не горожанин. Более того, он не смертный. Это осознание отрезвило небожителя:

– Кто вы?

Незнакомец пожал плечами. Нахмурившись, Го Бай повторил вопрос, и реакция собеседника ошарашила его: молодой человек юркнул за дерево, играючи, почти по-детски выглянул из-за ствола и расхохотался:

– А оно тебе правда надо? Не тяжела ли ноша будет?

– Ну как же, разве мы не должны представиться друг другу? Вы меня знаете, а вот я вас не припоминаю. – Го Бай осторожно подошел ближе, но господин скрылся за деревом.

– Пусть, я не в обиде. Меня многие в лицо не знают, я привык.

– Все же я настаиваю.

Взвинченный до предела Го Бай следовал за дурачившимся собеседником, наступая ему на пятки, совсем не замечая веток, хлеставших его по лицу.

– Почему? Ха-ха, для тебя это разве так важно? По моим наблюдениям, ведущий скромный образ жизни послушника кроткий бог дождей и гроз далеко не любознательный! Что скажут – то сделает, куда укажут – туда и последует. Так ведь?

Го Бай остановился так резко, будто налетел на стену. От вновь нахлынувшего гнева закружилась голова, и он, в исступлении топнув ногой, пуще прежнего припустился за хохочущим незнакомцем:

– Проклятый выскочка! Откуда ты взялся? Ты небожитель, верно? Стой, когда с тобой говорят! Если я не вмешиваюсь ни в чьи дрязги да только и делаю, что служу людям, это не

значит, что я безвольный! Я! Да я! Да ты! – Разошедшийся Го Бай попытался ухватить молодого человека за рукав, но тот вновь юркнул куда-то, ловко извернувшись, и бог едва не зарычал от досады, чем еще больше развеселил негодника. – Я заявлюсь в небесную канцелярию и оставлю на тебя жалобу!

Два благородных черных опала сверкнули в сгустившейся темноте, и раздалось тихое:

– Какой грозный господин угодил в мои силки…

Этот голос, пронзительный и насмешливый по своей сути, неожиданно прозвучал серьезно и немного грустно. Го Бай было смешался, но последовавшее за этим издевательское «И что они мне могут сделать? Я даже не отношусь к небесному чертогу. Попробуй поймай меня, чтобы доставить к ним!» окончательно вывело его из себя.

Бог поднял длинную ветку, влил в нее духовную силу и с громким «Стой на месте, паршивец!» снова бросился в погоню. Только сейчас он отчетливо понял, что все это время с ним играла нечисть.

Демон заметался вокруг дерева, не прекращая глумиться:

– За что ты так со мной? Я разве сделал что плохое? Ха-ха-ха, ай-я! Грешен тут ты – ты же забрался на мое дерево, чтоб поживиться! А еще бог, называется! Бог с веткой наперевес вместо меча, ах-ха-ха!

– На чье-чье? Твое-то дерево?

Шух! – досталось нечестивцу сзади.

– Да ты и правда шут, как я погляжу.

Фьить! – ветвь разрезала воздух, словно была из стали.

– Может, еще скажешь, что живешь здесь?

Го Бай не останавливаясь размахивал деревянным орудием, лишь слегка задевая то плечо, то спину нахального демона. Последний ускорился, обогнул «Дар императора» и оказался позади небожителя:

– А что, если я демон, значит, не имею права ни на что? Ни на дерево, ни на жизнь в его тени?

Развернувшись на голос, Го Бай, как ему показалось, ударил противника. В действительности же нечестивец ловко увернулся и продолжил:

– Нынче небожители столь бедны, что им на магические артефакты и духовное оружие не хватает? Все настолько плохо в вашем чертоге? Теперь уничтожаете нечисть тем, что под руку подвернется?

Распаленный Го Бай действовал быстрее, чем успевал подумать. Своей шуткой демон попал прямо в точку. Го Бай был одним из самых бедных среди божеств и еще не успел набрать достаточно последователей, чтобы обогатиться их дарами. Он недоумевал: откуда же у других небожителей столько золота и артефактов? У самого за душой был лишь Сяньбай, которым он обзавелся перед самым вознесением.

Словно прочитав его мысли, болтун вновь прищурился, холодно улыбнувшись:

– Неужто вы не хотите стать настоящим богом, господин Го? Почитаемым и всесильным. Богатым и представительным. Боюсь, тогда тебе придется научиться парочке грязных трюков.

Заметив, что молодой бог задумчиво смотрит на него, а смертоносная ветка послушно поникла в опустившейся руке, демон осторожно вышел из-за широкого ствола. Серые глаза подернулись пеленой отрешенности, словно пылкий небожитель впал в медитацию. Но проницательности новому знакомому было не занимать: он ясно видел, что Го Бай напряженно обдумывает сложившуюся ситуацию. Это позабавило демона, и он чуть пристальнее всмотрелся в своего праведного карателя. Красив той возвышенной красотой, что изображают смертные на фресках, когда хотят передать облик духовно безупречного божества. Увы, демон знал многих небожителей и ни разу не встречал среди них кого-то одновременно столь непорочного и пылкого. Почти… почти ни разу.

– Скажи-ка мне вот что, приятель, – вдруг Го Бай отбросил формальности. – Как тебе это удалось?

– Что именно? Убежать от твоей страшной ветки?

– Будучи демоном, ты стоишь как ни в чем не бывало в тени «Дара императора». Какой фокус ты провернул? Отравил дерево своей скверной?

– Ах, не опять, а снова! Тебе нравится обижать меня почем зря? Говорю тебе: я не сделал ничего дурного.

Го Бай расслабился, почему-то поверив искренне прозвучавшему негодованию в чужом голосе, но тут демон подбросил дров в огонь:

– Кичишься своей небожительской праведностью, а сам-то? Напакостил жителям Сичжуна и – фьють! Сделал ноги, улетел на свои блаженные небеса, косточки в священных источниках греть. А они тут все подохнут, как скот, по твоей милости.

Несколько секунд Го Бай от потрясения не мог вымолвить и слова, только открывал и закрывал рот, бессильно уставившись на враз помрачневшее лицо демона. Разговор с ним походил на бесконечное катание на канатных качелях: не успеваешь перевести дух, как новый оборот заставляет сердце мучительно сжиматься.

– Что… ч-что ты говоришь? – Лицо Го Бая впервые столь ярко вспыхнуло от гнева.

– Говорю, за собой и своими дружками с Небес следи, сиятельный господин.

На этот раз бой походил на настоящий. Ошметки земли летели в стороны, крона дерева тряслась, как от урагана, а по округе разносились раскаты грома. Го Бай выкладывался на полную, используя разрушительную духовную силу в мощнейшей концентрации. Однако демон играл с ним, ловко уворачиваясь и не вступая в схватку, что еще сильнее злило бога.

– Прекрати убегать! Остановись и ответь за свои слова, ты уже дважды оскорбил небесный чертог, так прими же последствия своей болтовни!

Ответом стал задорный хохот:

– Ой, меня опять хотят отшлепать? Пощади, пощади, грозный господин!

Доведенный до бешенства Го Бай поднял ладонь. Чистейший, без единой тучи, украшенный звездами небесный свод окрасился мрачными оттенками и замерцал. Из-за плотных грозовых туч появился хвост серебряного дракона, и вдруг – яркая вспышка: нечто опасное по указу хозяина нацелилось на противника. Молния с невероятной скоростью пронеслась перед лицом Го Бая и попала прямо в то место, где стоял демон. Увернуться от такого удара было просто невозможно, однако… однако в земле образовалась яма с обугленными краями. Самого демона там не оказалось. Го Бай обомлел. Неужели… неужели он так разозлился, что превратил нечестивца в прах?

– Зачем ты так? Смотри, даже бедное деревце пострадало. Тц, дикарь! А казался кротким послушником! Верно говорят: внешность обманчива.

Конечно, совершенно живой и здоровый нахал вновь нес полную околесицу, стоя за спиной скуксившегося Го Бая и разглядывая последствия божественного гнева через его плечо. И как, спрашивается, угомонить его, не прибегая к помощи других небожителей?

Го Бай схватил демона за запястье и, заломив его, приготовился нанести еще один удар, как вдруг противник взмыл в воздух. Одним прыжком он оказался позади, дернул плененную руку на себя и, когда Го Бай оказался к нему лицом к лицу, повторил его же движение. Оба оказались в ловушке: скрестив руки, они удерживали друг друга, стоя на самой верхушке дерева.

– Ну что ты такой злобный? – со смешком выдал демон. – Не любишь слушать правду? Нравится быть слепой мышкой, которую водят за хорошенький мокренький носик? – Лицо Го Бая исказилось от гнева. Демон продолжил: – Думаешь, я лгу или забавляюсь? Признаю, забавляюсь. Но не лгу.

Внезапно он осторожно, костяшкой тонкого пальца стер кровь с хмурого лица небожителя, умудрившись при этом не выпустить его руки. В огромных от потрясения серых глазах

отразились облака, отчего демону на миг показалось, что он, вопреки всем законам мироздания, падает в небеса.

– Кого ты хочешь обвинить в бедах сичжунцев? Ты – демон, у тебя ведь на роду написано изводить смертных. Что, если я случайно поймал того, кто натравил многоножек на город, этот нечестивец сейчас пытается отряхнуться от справедливых обвинений?

– Ты не видишь дальше своего носа, бог. Тебе невдомек, как все работает в небесном чертоге. Предположим, это был я. Зачем мне это?

– Злу не нужен повод, чтобы бесчинствовать.

– Всему во всех Трех мирах нужен повод, чтобы быть *чем-то*. Об этом легко забыть на Небесах, там голова превращается в тыкву. Твоя тыковка еще мягкая, а вот у остальных сиятельных господ твердая как камень.

Го Бай почувствовал, как обманчиво праздная болтовня начинает его утомлять. Он прикладывал неимоверные усилия, чтобы уловить в этом потоке мышек, тыкв, веточек и прочей чуши нечто важное, но не мог.

– Отпусти! – Рывком освободившись, он плавно опустился на соседнюю ветвь, а после на землю.

Весь исцарапанный, в изодранном одеянии, со всклокоченными волосами, он сейчас мало походил даже на послушника, не то что на всесильное божество.

– Скажи, это точно не ты? – спросил он, не поднимая взгляда на стоявшего выше.

– Нужны они мне! Да и в городе-то я показываюсь лишь по праздникам. – Демон спрыгнул следом и развалился на нетронутой схваткой траве. – У меня страсть к культуре смертных, уж больно мне нравятся их музыкальные инструменты да веселье на фестивалях. Поверь, в данной ситуации я тигр, а не притворяющаяся им лиса[12].

– Я не понимаю, о чем ты там лепечешь! У тебя, видно, страсть водить окружающих за нос! – махнул рукавом Го Бай.

– Я говорю – виновник не я, хоть ты и пытаешься меня таковым выставить. И эта встреча… Она действительно вышла забавной!

– Не вижу ничего забавного!

– Ай-я-я, играть на цине перед коровой и правда лишенное смысла дело![13]

Небожитель горестно вздохнул и с усилием сжал виски.

– Достаточно этих устаревших витиеватых выражений, прошу. Давай заключим сделку. Ты идешь со мной в Сичжун, где помогаешь мне выяснить, кто виноват в нашествии многоножек, а я – не сдаю тебя в руки богов войны и Верховного совета.

Демон соединил кончики пальцев обеих рук и посмотрел на усталого Го Бая через образовавшийся круг. Затем облизнулся, будто предвкушая что-то приятное, но ограничился нейтральным:

– И зачем мне это?

– Не знаю. А зачем тебе болтать со мной уже с четверть часа?

Демон хохотнул:

– Твоя взяла! Я согласен. Итак, мы идем в Сичжун! – Он проворно поднялся на ноги и, весело присвистнув, направился было в сторону города, но Го Бай удержал его, коснувшись рукава нечестивца.

– Постой. Я не пойду с тем, кого не знаю. Назовись.

– О, этой ночью я, очевидно, заноза в причинном месте.

---

[12] Китайская идиома «лиса – фальшивый тигр» обозначает человека, использующего власть влиятельных людей, чтобы запугивать или оказывать давление на других. То есть демон буквально говорит, что страдания городских не его рук дело, хотя так выглядят.

[13] Китайская идиома, означающая, что не стоит пытаться объяснить что-то тем, кто не в состоянии это понять или оценить по достоинству.

Го Бай бросил взгляд на собеседника, давая понять, что больше не собирается играть в эти игры.

Демон поднял с земли чудесный персик и легонько подбросил его с той же небрежностью, с какой подкинул ранее угодившего в его руки послушника храма Тяньтань.

– Или попросту Мокуан, больше известный как демон Душ.

– Владыка царства демонов? – Го Бай постарался не выдать своего потрясения и едва успел словить пушистый фрукт, которым в него запустили. – Но зачем называть мне свое имя? Ведь теперь… Теперь я могу запечатать тебя в каменной тюрьме для нечестивцев!

Мокуан громко укусил уже другой персик и произнес с набитым ртом:

– Жачем? Не штанешь, я шебе доверяю, гошподин Го. Пошли шкорее, наш ждет жагадка многоношек.

С неописуемым выражением лица «гошподин Го» последовал за демоном, но все же соблюдая достаточное расстояние. На ходу оба в молчании съели по сочнейшему персику, и очень скоро оказалось, что этот якобы владыка демонов не из тех, кто ценит тишину. Он бесцеремонно сцапал у послушника платок с вышитыми на нем парящими птицами, которым тот вытирал длинные пальцы от сока. И, размахивая им, притворно вздохнул:

– С чего ты стал вдруг таким кислолицым? Боишься меня?

– А должен?

– Не знаю, про меня ведь всякие слухи ходят, – продолжил демон, сопровождая свою речь жестами. – Говорят, что демон Душ огромный буйвол с рогами-полумесяцами, длинным змеиным хвостом, глазницами как у птицы и человеческими ногами.

– Очевидно, что это не так, – мягко, в своей привычной манере сказал Го Бай и без задней мысли взглянул на то, как идущий впереди нечестивец пренебрежительно смахнул со своего плеча листик. В его убранных волосах, темных, казавшихся даже фиолетовыми, запуталась еще одна соринка от дерева. Однако делать с этим небожитель ничего не желал и, немного подумав, добавил: – Для буйвола ты слишком хорош собой.

Го Бай не мог не обратить внимание на аристократические манеры и выдающуюся внешность, ведь сам раньше считал демона Душ жутчайшей тварью. Когда будущий бог готовился к вознесению, ему на глаза постоянно попадались описания внешности владыки демонов, одно хуже другого. И конечно, ее никогда не описывали как ту, что была сейчас перед ним. Все в Мокуане играло контрастом цветов и наталкивало любого, кто впервые на него посмотрит, на старое выражение: «яшмовое дерево, колышущееся на ветру»[14]. Очарования нечестивцу добавляли черно-алые одеяния, подобные тем, что носят императорские наследники.

Поймав себя на том, что почти похвалил демона, Го Бай быстро сменил тон:

– Но только не обольщайся – буйволам не хватает твоего бахвальства, но внешне ты им не так уж сильно уступаешь.

Платок в руках Мокуана взвился в воздух еще яростнее, с каждой секундой грозясь поднять маленький смерч.

– Ха-ха, да? А как насчет того, что я вечная проблема двух миров? Корень зла, язва, черная душа?

– Это мы сейчас и идем проверять, – меланхолично отозвался бог дождей и гроз. – Сам же так яростно обелял себя, что же теперь? Продолжаешь потешаться? Как неразумный мальчишка! Хватит!

Го Бай неожиданно даже для самого себя перешел на наставнический тон и легонько шлепнул демона рукавом по лицу. Тот лишь фыркнул. Ухватив бога за рукав, притянул к себе и заговорщицки прошептал на ухо:

[14] Китайское выражение, которое символизирует талантливого молодого человека с яркой внешностью.

– Как представишь меня своим многочисленным друзьям в городе? Как своего послушного шиди[15]? Или как опытного шисюна[16]?

Го Бай поспешно отпихнул наглеца и угрюмо потер раскрасневшееся ухо.

– Ты сдурел, нечисть? – беззлобно буркнул небожитель, понявший, что такая манера речи ничуть не оттолкнет веселого демона. – Шиди и шисюн в императорских шелках, как же! У тебя есть другие обличья? Стой, не человеческие!

Мокуан думал всего секунду, после чего резко обратился огромным черным псом со зловеще поблескивающими клыками. Прямо как со страниц книг, где его изображают в облике Тяньгоу. Го Бай опасливо попятился, но, заметив резво виляющий в воздухе хвост, принял прежний вид.

– Э, нет, так не пойдет. Ты распугаешь мне всех жителей, как мы тогда будем что-то выяснять? Давай что-то безобидное.

Маленький пушистый пес с озорным «Тяф! Тяф!» с разбегу запрыгнул пораженному Го Баю на руки. Само животное попыталось играючи укусить бога за пальцы, но тот оказался быстрее и посадил вертлявый комок в сумку.

* * *

Не прошло и получаса, как Го Бай в облике послушника вернулся в город. Из его походной сумки, висевшей на плече, торчала умилительная собачья мордочка, в которой ничего не выдавало владыку демонов. Сейчас своим угрюмым выражением лица Го Бай куда сильнее напоминал нечисть. Что-то подсказывало ему – этой ночью его вере в непорочность Небес придется несладко.

Отыскать усоногих в потемках для смертного – непосильная задача. И на глаза эти вредители умышленно не попадаются. Го Баю пришлось остановиться посреди безлюдной дороги на окраине и наказать подозрительно принюхивающемуся Мокуану:

– Если кто-то появится, сразу дай знать.

После он наложил заклинание на сумку, чтобы знать, если демон вздумает убежать, и погрузился в медитацию. Прошло некоторое время, небожитель ощутил переплетение самых разных энергий вокруг. Они сияли всеми цветами радуги, лились, пульсировали, дышали, обволакивали.

«Многоножки, если они порождение тьмы, должны источать вредоносную ци, а значит, я легко их обнаружу», – думал Го Бай, тщательно исследуя многообразие потоков. Но удивительно: стоило небожителю попытаться прощупать своей духовной энергией подозрительный участок, как тот моментально очищался, словно насекомые бросались врассыпную, учуяв опасность.

«Когда успели так поумнеть?»

У локтя раздраженного неудачей бога завозились, и не успел он открыть глаза, как Мокуан выпрыгнул из сумки и бросился в темноту. Го Бай впервые за прожитые годы выругался про себя: «Знал же, что обманет».

– А ну стой!

Ничего не оставалось, как припустить следом. Вскоре оба оказались у дома семейства Дун. Коротколапый пес послушно уселся у порога и невинно завилял хвостиком, погасив разом весь гнев небожителя.

---

[15] Вежливое обращение к младшему соученику.

[16] Вежливое обращение к старшему соученику.

На настойчивый стук в дверь так никто и не вышел. Зато из небольшого сарая для скота показалось заспанное лицо сына того самого извозчика, который сбил Го Бо. Ребенок растирал сонные глаза, но при виде знакомого лица быстро оживился:

– Старший братец Го, что ты делаешь здесь так поздно? Празднование на площади в самом разгаре.

– Хотел узнать кое-что… Дун Ли, а где отец и остальные?

– Взрослые вместе с сестрой поехали за дядей с тетей – в их районе усоногие разбушевались, – хотят срочно перевезти родных. Не знаю, когда придут. Может, ты, братец Го, все же зайдешь внутрь и подождешь их?

Послушник покачал головой: ему показалось неудобным и даже неловким наведываться в гости в отсутствие главы семейства. Но как же тогда разузнать про усоногих? Ведь демон почему-то примчался сюда, задорно виляя бесстыжим хвостом…

Мокуан пришел на помощь самым очаровательным способом: он привстал на задние лапы и принялся ластиться к мальчику. Дун Ли с радостью взял щенка на руки и, поглаживая по гладкой шерстке, восторженно залепетал:

– Какой пушистый! Не боишься усоногих, малыш? Старший братец – твой хозяин? Он тебя защищает, да? – Ребенок улыбнулся послушнику. – Папа говорит, сильные должны защищать слабых, а большие – маленьких! Так что мы теперь живем в сарае, потому что папа говорит, что корова Травинка – наша спасительница и защитница! А как его зовут, старший братец?

Го Бо кисло посмотрел на владыку демонов, лижущего нос мальчика, и нехотя ответил:

– Кхм, Кроха-Буйвол. – Недавний разговор запал в память Мокуану, и он медленно повернул голову, услышав, как его назвали. – Дун Ли, скажи, как обстоят у вас дела с усоногими? Давно их видел?

– Да знаешь, братец, эти гады постоянно откуда-то из-за углов ползут. Зато в сарай не суются, вот мы туда и переехали.

– Их не стало меньше с тех пор, как я побывал у вас в гостях пару месяцев назад?

Дун Ли задумался, забавно поморщившись. Го Бай готов был поклясться, что на морде тявкнувшей собачки разглядел ехидное выражение.

– Сейчас у нас дела обстоят куда лучше, чем у семьи Мяо! Их младшенький, Ган-Ган, сегодня совсем слег. Мы им даже Травинку давали ненадолго, чтобы она их тоже защитила! У нас-то все живы и здоровы. И все же папа велел спать в сарае, пока не вернется домой.

– Постой, если Травинка отпугивает многоножек и вы одалживали корову другому семейству, то кто защищал вас самих?

– Никто. – Дун Ли пожал плечами. – Но усоногих больше не было. Не знаю почему. Ты хочешь наконец уничтожить их и спасти нас?

Но послушник не мог дать четкий ответ.

– В этом я вижу свое предназначение, быть полезным людям. Спасибо, Ли-эр. – Он осторожно забрал фыркнувшего от смеха демона Душ из рук ребенка и напоследок уточнил: – Семейство Мяо все еще живет на окраине, у храма Пинъань[17], верно? Мы с Крохой-Буйволом наведаемся к ним.

Дун Ли напоследок нежно потрогал мокрый носик щенка и, попрощавшись, ушел в сарай. Задумчивый Го Бай же внимательно осмотрел придомовую территорию и, не найдя ничего подозрительного, решительно направился к другому дому.

– Думаешь, их и правда спасла корова? – тягучим голосом спросил Мокуан.

В развевающемся от быстрой ходьбы халате раздраженный небожитель выглядел сейчас поистине устрашающе.

– Если бы я знал. Но в одном уверен точно, я…

[17] Пинъань [##] – «спокойствие».

– Найдешь того, кто за всем этим стоит, и как следует накажешь? – Казалось, нельзя было добавить в речь больше насмешливых интонаций, чем уже имеется, но Мокуану это как-то удалось.

Го Бай не стал разменяться на мелочи и лишь пылко бросил:

– Увидишь!

Остаток пути они проделали в тишине. Дом господина Мяо Ху выглядел немного богаче, чем ветхий домишко семейства Дун.

«Интересно, связан ли как-то уровень достатка с тем, насколько свирепы по отношению к определенным людям многоножки? Или все дело только в домашних животных?» – размышлял Го Бай, стучась в украшенную красным символом счастья дверь.

Но, как ни странно, внутри опять никого не оказалось. Послушник переглянулся с вальяжно вывалившим розовый язычок псом и подошел к чистой, аккуратной постройке для скота. На этот раз удача улыбнулась небожителю и демону – дверь открыл Ган-Ган. Лицо мальчика было красное и в испарине – с первого же взгляда стало ясно, что тот сильно захворал. За его плечом Го Бай рассмотрел главу семейства, лежащего в постели. Впалые щеки и сизый оттенок кожи свидетельствовали о сильнейшем отравлении.

– Ган-Ган, как ты?

На вопрос послушника ребенок не ответил и лишь бросился к нему. Когда он крепко-крепко обнял Го Бо за ногу, богу открылся вид на шею малыша. Прямо под волосами, собранными в два пучка, виднелся маленький укус! Легко рассмотреть его получилось только из-за синевы, расползающейся по шее, – это был тот самый опасный яд усоногих, который уже начал распространяться по крови.

Ган-Ган был совсем слабехонек, и его то и дело трясло – настолько серьезным было воспаление. У Го Бая перехватило дыхание: обычно взрослый человек может протянуть до двух суток, но малыш всего-то лет пяти точно обречен. По предположениям небожителя, тому осталось от силы половина дня до полного отравления организма!

Деловито подхватив ребенка на руки и не сомневаясь ни единого мгновения, бог дождей и гроз прошел в сарай, ставший для отчаявшихся людей временным пристанищем. Убедившись, что отец семейства в беспамятстве, Го Бай осторожно умостил мальчика на первую подвернувшуюся в полутьме кровать и с руками, сложенными у тяжело дышащего ребенка на груди, погрузился в медитацию. Мокуан не вмешивался и знал, что небожитель делает: вытягивает вредоносную ци и по капле заменяет ее на свою живительную божественную. Если бы Го Бай мог видеть, как при этом действе странно заблестели глаза владыки демонов в облике пса, он бы не на шутку насторожился.

Всего пара минут, и дыхание мальчика выровнялось, и он погрузился в глубокий, целебный сон. Теперь настала очередь отца. Го Бай проделал с ним все то же самое, но в конце мягко удержал его от дремы. Внезапно попавшая в тело скверна разлилась волной боли, и через силу Го Бай спросил:

– Господин Мяо Ху? Вам легче?

Мужчина с удовольствием выдохнул и медленно огляделся. Он еще был не совсем здоров, но его жизни больше ничего не угрожало. Это неожиданное облегчение развязало больному язык:

– Послушник, какая удача! Вы пришли спасти нас? Я всегда верил, что вы справитесь лучше любого божества!

– Что вы, я лишь…

– Нет-нет, я уверен, вы посланы нам Небесами! Но мне никто не верил, а этот дуралей Дун Хэ все носил подношения в храм Пинъань, как бы тяжело ни жилось. В Праздник фона-

рей[18] он и вовсе месячный заработок спустил. Все приговаривал: «Нас берегут Травинка и сам Шэньнун[19]!» Даже мою семью заставил в эту развалину переехать, мол, это спасение. И вот, я был прав! После вашего прихода усоногие больше не являлись к ним, а вас я все никак не мог уговорить остаться у нас на ночлег, вот и…

Го Бай ощутил, как все тело скрутило, поэтому присел у кровати:

– Господин Мяо, постойте. – От неловкости у него вспотели ладони. Небожитель терпеть не мог недоразумения и недомолвки, из которых потом складывались целые горы неприятных ситуаций. Вдобавок начал переживать, не попал ли в ловушку демона за спиной.

– С моим приходом многоножки разбегаются, это правда, но не насовсем. Через какое-то время они возвращаются, пусть и не в таком количестве.

Глава семейства возразил:

– Но как же Дун Хэ – их ползучие вредители более не беспокоят!

Го Бай покачал головой:

– Сегодня я сумел помочь вам, но это не навсегда. Я должен понять, как уничтожить тварей или хотя бы изгнать на долгие годы из города. У вас в последнее время усоногие были частыми гостями, не замечали ли вы, откуда они появляются?

Мяо Ху тяжело вздохнул:

– Увы… Знаю только, что столько гадов, как у нас, нет ни у кого во всем городе. И чего они нас невзлюбили? Чуть только солнце за горизонт – они тут как тут!

– Так скоро? – поднял голову Го Бай. – Странно, усоногие ведь передвигаются только в полной темноте.

Мокуан одобрительно тявкнул, а Го Бай сосредоточенно застыл. Кажется, они близки к разгадке… Но при чем здесь семейство Дун и храм Пинъань? Теперь послушник задумался над словами демона Душ: он был очень серьезен, когда говорил найти связующую нить между пострадавшими семьями и самим послушником. Ведь проклятье Сичжуна и правда началось вскоре с появлением Го Бая и с постройкой нового храма Тяньтань в его честь! Но что именно успел сделать или кому перейти дорогу бог дождей и гроз, он так и не понял. Оставалось лишь…

– Послушник, вас ведь твари не кусают, верно? – Казалось, прервавший размышления небожителя господин Мяо Ху хотел что-то предложить, как щенок начал громко и шустро царапать когтями половицы.

– Усоногие? – уточнил Го Бай.

Порядком утомленный мужчина на кровати зевнул, но все же пересилил себя:

– Уверен, они тут… везде. Любят тепло и тьму… и прячутся… – И провалился в долгожданный сон.

Не успел Го Бай подоткнуть ему одеяло, как демон с тихим рычанием перевернул несколько посудин, и по сараю поползли две, три, четыре многоножки! Попадав на пол, твари моментально скрылись в щелях в полу.

– Больше нет? – Го Бай хотел удостовериться, что людям ничего не угрожает.

Пес отрицательно фыркнул и затрусил к выходу из дома, когда его догнало тихое:

– Спасибо.

---

[18] Праздник фонарей, или Юаньсяоцзе, – древний и важный праздник в честь окончания традиционного Нового года.

[19] Шэньнун [##] – «божественный земледелец». В китайской мифологии Шэньнун – бог-покровитель земледелия и медицины. Примечательно, что он умер, съев тысяченожку.

Глава 39. Часть 3. Грезы, от которых не скрыться

Небожитель и демон обежали сарай, силясь догнать проворных насекомых, но те успели скрыться в основании главного дома, что стоял неподалеку. На улице уже было достаточно темно, дорогу освещали лишь переливающиеся мириады звезд. Ворох больших и маленьких, ярких и тусклых звезд походил на длинную Серебряную реку[20].

Не успел Го Бай упасть на колени и заглянуть в подпол, как с десяток усоногих бросились врассыпную. Неслись они с ужасающей скоростью, но держались вместе, будто смертоносный отряд.

Го Бай бросился обратно под свет Серебряной реки. Заметив несколько тварей, которые не успели скрыться, бог схватил небольшой камушек у дороги и, наполнив его духовной силой, швырнул в одну из них. Так он выиграл немного времени: оглушенная ударом и отбившаяся от остальных многоножка куда медленнее поползла по улице. А за ней осторожно крался Мокуан, помогая послушнику не потерять тварь из виду. Через пару мгновений все трое оказались у храма Пинъань.

Красивое место, где находился храм, нельзя было назвать скромной обителью. Все тут кричало о былом богатстве: дорогие древние фрезы, огромная, выше старых садовых деревьев крыша, выставленный у входа большой ящик для подношений и даже вычурная золотая табличка с названием. Остановившись у открытых ворот, Го Бо почувствовал, будто бы все вокруг замерло с его приходом. Даже шелест листвы пропал.

Они с Мокуаном прошли в садик, через который лежал путь к храму, миновали статую божества в образе быка с головой человека, не одарив ее учтивым поклоном, и взмыли по лестнице.

– Огонек света! Огонек света! Огонек света! – Десяток-другой светлячков принялись метаться из стороны в сторону по приказу бога. – Осветите тут, тут… и там!

Куда бы Го Бай ни указывал, везде среди паутины и пыли кишели кучки многоножек! Все как одна тряслись от страха, но никуда в этот раз не бежали.

– Как же так… Как же, уважаемый? Невероятное бесстыдство! Ни совести, ни чести – позор! – Он вскинул руку и мгновенно принял истинный облик. Теперь Го Бай был точь-в-точь как на картинах смертных. Парящий и лучезарный, в бесшовных парчовых одеждах небожителя, с длинными волосами и обворожительным лицом – ликом, присущим божеству, которое ловко управляет погодой.

Го Бай протянул руку к поясу и приподнял серебряную подвеску с шелковой кисточкой. Идеально круглая сердцевина артефакта сверкнула, наполняясь искрящимся светом.

– Уважаемый бог храма Пинъань, прошу вас не злить меня и не доводить ситуацию до худшего. Явитесь передо мной немедля в храме Сичжуна!

Го Бай понятия не имел, кто должен явиться перед ним. Он взглянул на статую: утонченный красавец со строгой прической – собранным пучком, украшенным резным венцом из кости животного, и держащий в руке маленький росток. У Го Бая возникло нехорошее предчувствие: по всем признакам выходило, что бессмертный – старый бог, в разы взрослее и опытнее его. Ныне молодых небожителей изображают с оружием в руках – пусть и с даосской метелкой, но все же.

Наконец на угрозу отреагировали:

– Прошу, только не шумите.

Го Бай повернулся в сторону ящика для подношений и увидел… нечто. Монеты и маленькие, тонкие слитки серебра собрались в бесформенную кучку, слабо напоминавшую лицо. Из-

[20] Или Млечный Путь, который также имеет название «Небесная река».

за того что их было мало, имитация вышла безобразной: место, где должен был быть рот, зияло и расширялось с каждым вздохом существа, глаза выложились простыми линиями, а голова походила на уродливый клубень батата размером с ладонь.

– Вы… Назовитесь, иначе я выложу Верховному совету все как есть! Поверьте, не в ваших интересах сейчас препираться – я уже обо всем разузнал.

На удивление, пойманный с поличным дал быстрый ответ:

– Западный покровитель земледелия Шэньнун.

Го Бай испытал ни с чем не сравнимые горечь и отвращение. Этот самый Шэньнун, будучи богом, обязанным помогать смертным, и был источником бед Сичжуна? Все эти твари, приносившие народу горе и мучения, его рук дело? У Го Бая закружилась голова.

– Бог дождей и гроз, именуемый…

– Я знаю, кто вы, не трудитесь.

– Откуда же? – Го Бай точно помнил, что не встречал ранее покровителя земледелия Запада.

Маска из монет презрительно скривила губы и безо всякого предупреждения взорвалась. Ручейки расплавленного металла, взвившись, сложились в человеческую фигуру. Еще одна вспышка, и перед Го Баем предстал небожитель среднего роста, с округлыми чертами лица, какие бывают у мягкосердечных людей. И лишь тонкие брови, изогнутые крутой дугой, портили впечатление. Из-за них бог казался скорее капризным или мелочным, чем благодушным.

– Оттуда же, откуда вас знает каждая собака в Сичжуне, – сухо произнес Шэньнун и поправил длинные рукава. – Надо же, я служу небесным чиновником уже более четырехсот лет, родился и вознесся именно здесь, но вас, уважаемый, почитают куда больше меня.

В напряженной тишине Го Бай кожей ощутил настороженный взгляд спрятавшегося за ящиком для подношения Мокуана. Пушистая мордочка высунулась из-за угла. Поддержка в лице сильнейшего демона придала юному богу уверенности, и он спокойно поинтересовался, желая выведать побольше информации:

– Как думаете, почему так сложилось?

Шэньнун испытывающе заглянул собеседнику в глаза и, очевидно не увидев угрозы, равнодушно пожал плечами:

– Как знать? Я исправно выполнял свои обязанности, сам справлялся с щедро сыпавшимися на меня невзгодами.

Го Бай осторожно опустил сумку на землю, чтобы Мокуан мог быстро забраться туда, если что-то пойдет не так.

– Не имеет ли к этому отношение Западный переполох?

– О, вы осведомлены? – Стряхнув пыль с места, Шэньнун грациозно опустился на основание своей статуи. – Как думаете, то, что случилось, можно назвать справедливым?

В то время, пока в Поднебесной разгоралась вражда между воюющими территориями, на Небесах также воцарился хаос. Людские судьбы не должны меняться под влиянием божественной руки, и тем не менее в скором времени начали всплывать привлекающие внимание инциденты: некоторые боги начали мелькать то тут, то там на полях боя смертных, обрушивать свою силу на противников и исцелять союзников. Покровители Запада не смогли закрыть глаза на боль и страдания своих последователей. Ужаснейшее преступление! Конечно же, данный факт разгневал Верховный совет.

– Это естественный ход событий для мира смертных, – поразмыслив, произнес Го Бай. – Война заставила людей преклонить колени перед новым правителем, так Запад стал Юго-Западом. Разве боги имели право вмешиваться?

– Но что прикажете делать мне – почти забытому ныне покровителю? Я и без того по воле судьбы мало в чем преуспел. И эта война, посеявшая смуту в обоих мирах, она ведь рассорила

богов Запада и Юга, и мы сцепились, как бешеные псы, в надежде вернуть себе благосклонность молящихся.

Го Бай также изучал записи о дальнейшей судьбе покровителей Запада. Из-за войны у смертных Верховному совету потребовалась уйма времени на поиски гуманного наказания. Невозможно же сразу против всех отдать указ о свержении? Как же тогда быть тем, кто им молится? Но действовать необходимо было почти сразу, как только начали поступать жалобы. По итогу все привело к тому, что в заоблачной столице бессмертных развернулась кровавая вражда богов Запада и Юга. Прямо как у смертных. Верховному совету пришлось отозвать всех причастных от своих обязанностей, лишив их ненадолго сил. За это время попавшие под наказание не слышали молитв своих последователей, и те, так и не прознав про жертву своих покровителей, остались с горечью на душе от осознания бытия, отвергнутого богом. По итогу, как любят говорить на Небесах: то, что должно произойти, неизменно настигнет. Так и случилось.

Подумав еще немного, Го Бай заговорил фразами, которые постоянно вылетали из уст южных богов, услышь они про Западный переполох:

– Вы ведь понимаете, что это было ошибкой? Смертные воюют, небожителям же остается лишь наблюдать, это наш удел. По этой причине Верховный совет и постановил…

– Оставьте! Когда небожители подчинялись хоть каким-то законам? – Мокуан насмешливо фыркнул от проскользнувшего в голосе Шэньнуна презрения. Покровитель явно относился к своему собеседнику как к послушному, повторяющему все за родителем ребенку.

– Мы не можем на основании преступлений некоторых судить о нравах большинства. И все же… – Го Бай подошел поближе к задумчиво перебирающему складки своего одеяния богу. – Чего вы хотели этим добиться? Наслать проклятие усоногих на родной город, в котором вас любили и почитали, чтобы наказать тех, кто вам неугоден?

– Где вы углядели любовь и почитание? Не в пустом ли ящике для подношений? – с презрением махнул рукавом Шэньнун.

– Но не могли же вас, в самом деле, так рассердить скудные дары смертных!

– Зато мог один прыткий послушник, рьяно лезущий не в свое дело.

– Я? Все из-за меня? – Это предположение далось Го Баю тяжело: он все еще не понимал, чем мог так разгневать небесного чиновника.

– Вы привлекли мое внимание сразу, как только объявились в Сичжуне и взялись усердно помогать смертным. Поначалу это казалось смешным: молодой господин с Юга прибыл на Запад с благими намерениями, и это после многолетней кровопролитной то войны! Даже местные не принимали подобного. Но как скоро вы завоевали их любовь и доверие! Настоящий талант.

– И вы решили, что жители Сичжуна вспомнят о вас, оказавшись пред лицом опасности?

– Опрометчивое решение, согласен.

– Я бы сказал, отвратительное.

Шэньнун негромко рассмеялся:

– Но вы можете быть спокойны, в конце концов, горожане побежали за помощью именно к вам, верно? И вот вы, благодетель в белых одеяниях, безгрешный и благочестивый бог дождей и гроз… – Он лукаво взглянул на торчащую из-за ящика черную мордочку. – …Стоите передо мной и угрожаете мне достопочтенными, что состоят в Верховном совете. Что же, раз такова моя судьба, я подчиняюсь ей.

Исчез покровитель земледелия столь же быстро и эффектно, как появился. Спустя пару мгновений лишь звон монет, вернувшихся в ящик для подношений, напоминал Го Баю о том, что здесь только что произошло.

Виновник лично признался в содеянном. И то ли от безумства, в которое успел впасть, творя ужасное, то ли от божественного бессилия перед смертными он согласился со всеми

обвинениями с пугающей легкостью. Шэньнун осознавал, каким будет наказание: суд, после вердикта которого он может лишиться своего титула.

– Скажи же, Го Бай, теперь ты мне веришь? Ты удовлетворен? – Черный пес неспешно вышел из своего укрытия, отряхиваясь от пыли, в которой успел извозиться.

Небожитель сдержанно поклонился:

– Приношу глубочайшие извинения, я возвел на владыку демонов напраслину. Пожалуй, как бы мне ни было грустно разочаровываться в небожителях, сегодня мне пришлось признать наше несовершенство.

Мокуан зашел за спину Го Бая и вышел уже в первозданном облике:

– Ты не виноват, я пошутил. – Легкая улыбка тронула губы демона и моментально отразилась на измученном лице небожителя.

Освещающее зал храма заклинание «огонек света» подчеркнуло в глазах нечестивца природное лукавство, однако больше всего поразило небожителя не это. Неясно, почему Го Бай раньше не заметил: владыка демонов был ниже его. И потому бог прыснул со смеху.

– Что смешного?

Го Бай прикрыл рот рукой:

– Извини. Недавно я сказал, что в сравнении с тобой буйволы не так хороши собой. Однако хочу заметить, что это животное славится своим телосложением.

– Правда? Никогда их не встречал. – Мокуан хлопнул крышкой ящика для подношений и присел сверху, внешне никак не реагируя на сказанное.

– Единственный путь, ведущий к персиковому дереву у реки, находится на окраине Сичжуна, как раз там есть одно пастбище. – Выражение лица Го Бая переменилось. – Твоя вторая ложь. Владыка демонов скрыл от меня конфликт с покровителем земледелия Запада.

Взгляд Мокуана так же, как у Го Бая, стал бесстрастным:

– Но если меня не спросили напрямую, можно ли это называть обманом? – Сесть на чужие подношения уже было оскорблением для хозяина ящика, но демон еще удобнее разместился, вытянув ноги. – Этот бог многое потерял, в том числе и удачу, однако не самомнение: думал, что мой подручный согласится выполнить всю грязную работу за него. А когда руки все же пришлось замарать – обвинил владыку демонов. Полагаю, вы, уважаемый повелитель дождей и гроз, слышали что-то такое.

Го Бай никак не отреагировал, хотя в словах нечестивца была толика правды и некоторые слухи до него действительно доходили.

– Одного он не предвидел, этот Шэньнун, что я лично загляну в Сичжун. – Фраза Мокуана прозвучала самонадеянно, будто он и не скрывал, что только его присутствие помогло сегодня призвать злодея к быстрому раскаянию. Го Бай видел, как в черных глазах демона искрится желание снова затеять смехотворную драку. Поэтому он с легкой улыбкой парировал:

– Что же, я получил все ответы, теперь мне необходимо доложить о произошедшем…

Ответ демона разом разрушил спокойный образ небожителя:

– Возвращайся скорее, угощу тебя персиком, раз по моей вине тебе не удалось сегодня спокойно насладиться его сочной мякотью.

Торопливо попрощавшись с Мокуаном, Го Бай поднялся в небесный чертог и заглянул в отдел письмоводства – туда, где оставляют жалобы разного характера. Здесь ему пришлось заполнить целую кипу бумаг и больше часа лицезреть бесстрастные чиновничьи лица. Но больше всего его поразило известие о том, что случай в Сичжуне был не единственным, от молодой барышни, стоявшей неподалеку:

– Решайте этот вопрос побыстрее, если не желаете повторения Западного переполоха! Только в этот раз, я вам обещаю, он будет Южным! Это же надо! Неслыханное бесстыдство! Позор тому бессмертному, строившему подобные козни!

Выходит, для некоторых богов Запада с окончанием войны не только ничего не поменялось, но даже наоборот – началось. До высказываний звонкоголосой небожительницы никто и глазом не повел на вошедшего повелителя дождей и гроз, однако когда подошла ее очередь передать заполненную жалобу, все в отделе письмоводства в несвойственной им манере всполошились: уткнулись в документы, схватились за работу, а из-за ширмы и вовсе вывалилась парочка бессмертных – по-видимому, те, что прохлаждались в столь поздний час. Редчайшее представление для этого места.

Позади Го Бая, словно из пустоты, появилась пятерка широкоплечих, облаченных в сверкающие доспехи господ, которые, получив на руки бумаги, быстро удалились. Заоблачная стража, отправившаяся за преступниками: что-что, а встретиться лицом к лицу с ними – плохой знак. Го Бай неплохо был о них осведомлен, поскольку часть командования была возложена на бога войны Запада.

Из-за главного стола в помещении заговорил на вид довольно юный, но уже весьма занудный чиновник:

– Дальше будет разбираться Верховный совет. – Он растягивал каждое слово, не проявляя ни капли уважения к собеседнику. – Во время расследования вас могут пригласить, потому держите поближе к себе серебряные подвески на ваших поясах. Сле-ду-ю-щий… Уважаемый бог дождей и гроз, вы подойдете или как?

Чиновник выхватил бумаги из рук Го Бая и ткнул пальцем в строку:

– Вы указали тут, что покровитель земледелия Запада причинял не только моральный, но и физический вред смертным. Получается, я правильно поступлю, если укажу, что присутствуют жертвы?

Окружающие обратили взоры к Го Баю. Он согласно кивнул и тихо добавил:

– Из того, что мне известно, сейчас в Сичжуне имеется минимум один ребенок шести лет, которому, не вмешайся я в это дело, оставалось несколько часов. От укусов многоножек погиб по меньшей мере десяток человек.

– Невероятно! – отпустила комментарий за его спиной пострадавшая, как и Го Бай, богиня.

Чиновник что-то черкнул в своих бумагах и махнул рукой:

– Можете возвращаться к своим обязанностям. Если это и правда дело рук божества Шэньнуна, а не владыки демонов, мы гарантируем, что вопрос будет решен на Верховном совете. Сле-ду-ю-щий!

Перед тем как чиновник убрал свои записи в стол, Го Бай успел заметить несколько слов: «лишение воли». Что ж, это означало, что если вина будет доказана, то преступника ждет каменная тюрьма, возможно для нечестивцев.

Наконец закончив с этим делом, Го Бай отправился на главную улицу столицы бессмертных прямо к Небесным вратам – единственному месту, откуда можно отправиться в Поднебесную. Небожители постоянно толпились здесь, или готовясь к отбытию, или же передавая дела после прибытия. Как только Го Бай вновь очутился в людном месте, он услышал, как его окликнули сразу с двух противоположных сторон:

– Молодой господин… Бог дождей и гроз!

– Го Бай!

Го Бай, не определившись, в чью сторону посмотреть, и мотая головой, заметил ту самую звонкоголосую богиню из отдела письмоводства.

– Уважаемый, извините, я не запомнила, как к вам обращаться. – Подойдя ближе, барышня расплылась в улыбке. – Я лишь хотела сказать: если тому смертному потребуется помощь в скорейшем выздоровлении, вы можете обратиться ко мне! Вы везунчик, раз встретились мне сегодня!

С этой богиней Го Бай лично знаком не был, потому, услышав о помощи, решил уточнить, с кем имеет дело. Однако тот второй, кто позвал его по имени, вышел из-за спины молодой госпожи со словами:

– Ты наконец здесь! Я так рад тебя видеть!

– Ой, и я рада видеть вас, господин… – По-видимому, барышня подумала, что приветствие обращено к ней. Вторым оказался бог войны западных земель Лян Фа – бывший послушник и ныне хороший приятель Го Бая. С чем бы ни сталкивались эти два небожителя вне зависимости от разделения на территории, они всегда мчались на помощь друг другу. Лицо бога войны странным образом переменилось, когда он оказался между товарищем и богиней.

– И я рад вас видеть… госпожа Хэнсин, – скомканно обронил Лян Фа.

– Богиня плодородия? – удивленно переспросил Го Бай. – Невероятно, вы же та самая праправнучка достопочтенного Шоусина – божества долголетия?! Действительно удачная встреча. Вот только была бы она при других обстоятельствах, а я бы не торопился…

Барышня прикрыла ладонями зарумянившиеся щеки и улыбнулась.

– Это и правда я! Потому не стесняйтесь, уважаемый, и обращайтесь за любой помощью! Мой прапрадедушка, достопочтенный Шоусин, и ваш наставник, повелитель ветров из храма Наньюэ, очень хорошие и давние приятели. Я вас сразу узнала, вот только… – Богиня приблизилась к Го Баю и хихикнула. – У меня проблема с запоминанием имен.

Тут же раздалось презрительное ворчание Лян Фа:

– А разве обращение к такой влиятельной личности в небесном чертоге пройдет бесследно? Не останется ли мой товарищ в вечном неоплатном долгу? Ваша помощь дорого обходится всем без исключения. Да и если у Го Бая возникнут проблемы, он может обратиться ко мне.

– Вы преувеличиваете, уважаемый… О, я вас вдруг вспомнила, бог войны из семейства Лян. Вы же сами слышали, как я сказала – мой прапрадедушка крепко дружит с наставницей Го Бая. К тому же проблема у нас с богом дождей и гроз одного характера, разве я не могу помочь коллеге по несчастью за простую благодарность? Нужно быть рука об руку и начеку с вами!

Плотная тень упала на лицо бога войны.

– Го Бай, о чем она говорит? С кем это *с вами*?

Внучка Шоусина встряла в разговор, который еще не успел начаться:

– Насколько я помню, Шэньнун, покровитель земледелия Запада, приходится вам родственником, не так ли? Ай-я, вот это позор! Придется вам потрудиться, господин Лян, чтобы содеянное им не отразилось на вашей репутации! А ведь только недавно получили повышение.

Лицо Лян Фа исказилось, став похожим на высушенный чернослив. В негодовании он обернулся к Го Баю. Тот вскинул руками и воскликнул:

– Лян Фа, мне очень жаль. Я… я объясню чуть позже, только, прошу, дай мне время. Я честно понятия не имел, что вы родственники. И знаете, меня кое-кто ждет в Поднебесной, потому мне нужно торопиться.

– Тогда я пойду с тобой! Расскажешь мне о произошедшем по дороге!

– Ни в коем случае! Просто… просто дай мне немного времени, – поспешно заверил Го Бай. – Я закончу все свои дела и свяжусь с тобой. Уважаемая Хэнсин, вы тоже меня простите, я правда тороплюсь. И встрече нашей я действительно очень рад!

Выпавшее на голову бога дождей и гроз открытие расстроило его. Го Бай и подумать не мог, как все обернется, когда отправлялся проверять слова Мокуана. А тут еще и Лян Фа оказался дальним родственником Шэньнуна. Как такое можно было упустить? Маленькое ночное расследование демона и небожителя пошатнуло душевное равновесие последнего. Хотя усталость не присуща бессмертным, Го Бай почувствовал тяжесть, вновь обернувшись послушником.

Когда он очутился у широкой и кристально чистой реки рядом с персиковым деревом, уже занимался рассвет. И хотя небожителю хотелось остаться и погрузиться в медитацию, усилием воли он заставил себя отправиться в Сичжун, а уж после отдохнуть. Только он прошел городские ворота, как судьба вновь свела Го Бо с еще несколькими небожителями.

Парочка чиновников слонялась то тут, то там – по-видимому, расследуя содеянное Шэньнуном. И так как были они заняты, бога дождей и гроз в лице послушника храма Тяньтань не признали да и особого внимания на него не обратили. Однако Го Бай тут же смекнул, кто эти господа, несмотря на то, что для сокрытия истинного облика бессмертные облачились в серые и невзрачные покровы. Их выдавал один донельзя банальный нюанс – очень качественные ткани, подозрительно похожие на те, что производят исключительно на Востоке. У Го Бая, ранее допускавшего подобные ошибки, эта оплошность вызвала улыбку. Как и то, что небожители не узнали его, а значит, появилась возможность избежать расспросов.

Го Бай осторожно прошел мимо коллег и оказался на соседней улице, на которой и был расположен храм Пинъань. Он шел медленно, погрузившись в свои переживания. На душе было тяжко от чувства вины, что мучило небожителя с того самого момента, как он доложил про Шэньнуна. Гибли люди, медлить было нельзя, но… Го Бай тяжело вздохнул. Взгляд его упал на печальную картину, заставившую дрогнуть его сострадательное сердце: десятки бессмертных в поте лица запечатывали место божественной силы, а именно храм.

В принципе, это и подразумевала пометка чиновника из отдела письмоводства «лишение воли». Стоит перекрыть поток энергии небожителя, и все его могущество из бурной реки превратится в озерцо, которое со временем начнет усыхать. Попавшему под подобное наказание неоткуда будет более черпать новые силы. Вместе с этим и все наложенные печати и заклятия, что поддерживались некогда могуществом божества, растворятся, будто их и не было никогда. Лишение воли для любого бессмертного равно бесконечным мучениям.

Нетрудно было догадаться, что запечатывание силы сейчас происходит во всех храмах Пинъань, будь их десяток или сотня на территории Запада. У покровителя земледелия разом отобрали всю власть. Ему оставалось только ожидать, когда последствия от проклятья Сичжуна исчезнут вместе с его духовными силами. И все же это не принесло Го Баю облегчения. Не каждый возрадуется тому осознанию, что процесс наказания запустил именно он.

Когда Го Бай наконец добрался до дома семейства Мяо, он выдохнул: жуткий жар ребенка спал, а синева от укуса на шее, что еще этой ночью была видна невооруженным глазом, пропала. Перепуганные родители места себе не находили от волнения: матушка мальчика заплакала при виде послушника и припала к его ногам, а глава семейства со скупой слезой на глазах отдал низкий поклон. Поддерживая жену под руку, он все повторял:

– Послушник, спасибо… что помог, что спас… Спасибо, что не прошел мимо. В твою честь я устрою у себя в коптильне неделю, нет, месяц бесплатного пиршества!

Го Бай в образе послушника не нуждался в преподносимых в знак признательности яствах, одеждах или деньгах. Поэтому всегда предлагал людям отдать предназначенные для его бога подношения кому-то нуждающемуся: устроить день бесплатных блюд, одеть бедняков или же помочь им монетой. Господин Мяо Ху знал об этом, потому и объявил о месяце пиршеств в честь повелителя дождей и гроз храма Тяньтань.

Вскоре Го Бай покинул семейство Мяо. Оказавшись за пределами их дома, он быстрым шагом направится к дереву у берега реки. Но, как бы бог ни осматривал пышную крону дерева и окружение, демона ему найти не удалось. Сей факт был довольно предсказуем, потому небожитель не удивился и даже сказал про себя: «Так я и думал», однако все же слегка расстроился.

Скопившаяся тревога на душе наблюдающего за происходящим в собственном сне Го Бохая рассеялась. Однако только успел он отпустить опасения, как вдруг картинка переменилась: пушистые облака в небе разошлись, а солнце ни с того ни с сего поднялось в зенит – прямо как в тот раз, когда Го Бохай оказался в чертогах своего разума. Над его головой про-

гремел гром, как перед проливным дождем, зелень начала расти, отцветать, опадать и заново распускаться, будто бы время ускорилось. Немыслимо: день сменял ночь и наоборот, весна обращалась осенью. Вдруг Го Бохая с силой оттолкнули назад. Теперь он оказался не у кроны дерева, а намного, намного дальше – «Дар императора» казался крохотным. Наблюдавший со стороны Го Бохай не мог понять, что именно произошло или происходит, он вдруг ощутил, как покалывает пальцы, сжатые в кулак. Опустив взгляд, он не сразу осознал, что способность управлять собственным телом вновь вернулась к нему. Возможно, это означало, что сон подходит к концу?

Между тем перед ним все только начало разворачиваться. Вдали показались две фигуры, что встретили друг друга и предались разговорам. Как могло показаться со стороны, господа были в хороших отношениях, даже стало приятно вот так за ними наблюдать, когда невысокий вначале собрал корзину фруктов с этого самого дерева, а после, случайно рассыпав, бросился их собирать. То были два молодых человека – Мокуан и Го Бай.

Дней, проведенных этими двоими в компании «Дара императора», было не счесть. В самые жаркие часы Мокуан и Го Бай играли в местные игры и сидели под кроной дерева на неумело сооруженной скамейке, ночью соревновались в закидывании камней в воду. Однажды даже вышла неловкая ситуация: камушек не рассчитавшего силу Го Бая перелетел живую реку и упал не на другой берег, а вылетел через Небесные врата и попал прямо в проходившего мимо чиновника! После этого в столице бессмертных еще долгое время стояла табличка: «Осторожно! Опасность получить по затылку из мира смертных!»

Никто не знал об их пристанище, хотя… кое-кто все же объявился. Два небожителя под предводительством бога войны заявились к дереву и пнули его, словно городская стража, что с ноги отворила дверь дома опасного преступника. Под кроной как раз посапывал демон. Три небожителя с мечами наперевес пришли по его душу. Скандал вспыхнул в считаные секунды. Наблюдавшего незнакомый сон Го Бохая охватило тревогой, точно он был тем преступником, за которым пришли. Он дернулся вперед, чтоб разобраться, в чем дело, но ноги отказались подчиняться хозяину и словно увязли в высокой траве, как в трясине.

Неожиданно трое подняли демона за грудки и обнажили оружие. Для Го Бохая, отлично знавшего божественные уставы, что любые приговоры Верховного совета должны выноситься открыто и в присутствии обвиняемого, происходящее показалось странным. Еще и Заоблачной стражи в блестящих доспехах поблизости не виднелось. А вот Лян Фа там был.

Перепалка разгоралась не на шутку, и в какой-то момент демон позволил себя ударить. Сердце Го Бохая сжалось от тревоги. Он знал, что будет дальше, но видеть это был совсем не готов. Да и вообще, почему ему снится то, что вживую он не застал?

Требуя чего-то, троица уподобилась уличному хулиганью и безо всякой чести вступила в драку с невинным. Поведай Го Бохай обидчикам, что бьют они демона редкой души, не совершившего ничего дурного, – по крайней мере, он так считал, – они бы все равно не послушали его. И от всего этого ему становилось только дурнее. Он ничего не мог сделать, даже отвернуться.

В какой-то момент ситуация усугубилась: острие меча одного из небожителей вонзилось в плечо демона. Это был Лян Фа! Лян Фа первым окропил оружие кровью. Все еще не уподобляясь врагу, Мокуан схватил клинок, чтобы остановить того, и тотчас замер: бог войны, что все это время больше всех угрожал и нанес увечий больше всех, громко выкрикнул: «Лжец!» – и выпустил стрелу. Сердце Го Бохая остановилось, внутри все умерло. Он сорвался с места, вырывая ноги из вязкой травы, но его тело словно тянуло назад, как он ни старался. Увязнув в земле еще сильнее, он упал и, только подняв глаза, пронзительно закричал:

– Лян Фа, стой!

Собственный голос разбудил Го Бохая. Открыв глаза, он обнаружил, что лицо намокло от слез. Теперь наставник точно проснулся: над головой в полном мраке виднелся отвратительно знакомый потолок, а осознание, что он сейчас тут, а не там, доводило его до безумия.

Впившись пальцами в собственное лицо, он пытался не плакать, но ничего не выходило. С каждым вздохом вой все больше походил на рев дикого зверя.

Такую истязающую душу правду никто не готов принять: смерть близкого от руки товарища… Го Бохай сполз с кровати и направился к низкому столику с лекарствами.

Цепляя и роняя все на своем пути, мужчина двигался так, словно его ноги все еще были по колено в вязкой трясине. И, только приблизившись к блюдцу, разящему едкими травами, он сдался и обмяк. Упало и блюдце с пилюлями, которые раскатились по полу у рук Го Бохая. Ненависть к самому себе за безучастность во сне настигла его, подобно буре, что преследует безвинные корабли: он вцепился ногтями в пол и больше не мог себя сдерживать:

– А-а-а-а!

Го Бохай тщетно терзался вопросом, что же сейчас доводило его до отчаяния: смерть Мокуана или поступок Лян Фа. А ведь в прошлом он вымаливал прощения у Го Бая. В реальности смерть демона Душ произошла не на глазах бога дождей и гроз: тот как раз предстал перед Верховным судом, и известие дошло до него случайно.

Под влиянием печати Забвения и не пережитых обид, которые он очень долго скрывал от самого себя, его посетило единственное желание – кануть в небытие… Что еще может заглушить подобную боль?

Вдруг двери покоев резко отворились. Го Бохай даже не дрогнул. В комнату вбежала Минь-Минь. Перепуганная служанка подхватила мужчину и попыталась разузнать, что произошло, а он неистово закричал:

– Почему?! Почему Мокуан?..

Глава 40. Часть 1. Долгие разговоры о важном, или Сколько скелетов у нас в шкафу запрятано друг от друга?

Наутро, покинув покои, Го Бохай не обнаружил никого в округе: оказалось, проснулся он довольно рано, настолько, что еще ни одна птица не решалась петь. По-видимому, и Минь-Минь сейчас отдыхала. Потому, приведя себя в порядок, Го Бохай отправился на прогулку.

Лишь пройдя маленький мостик с озерцом и величавый сад госпожи, наставник обратил внимание на приоткрытые двери зала знаний. Маловероятно, думал он, что в такое время там находится У Чан, ведь вчера наследник до глубокой ночи развлекал своим обществом созванных гостей. Однако, заглянув внутрь, наставник удивился. Сидевший спиной ко входу усердно что-то писал, вычеркивал и бормотал себе под нос. Казалось, ученик был сосредоточен и его ничем было не отвлечь, как вдруг он, не оборачиваясь, позвал:

– Учитель!

Го Бохай улыбнулся:

– А тебя не проведешь, спиной все чувствуешь. – Он подошел к столику. – Чем ученик занят? Обычно он просыпается позже всех в поместье, если не в городе.

Немного помявшись, У Чан неуверенно пододвинул учителю исписанный иероглифами лист. Каллиграфия наследника клана была на том же уровне, что и у хорошего чиновника: ключи иероглифов уставного письма[21] были выведены им по всем правилам, без единой помарки или ошибки. Правда, работе недоставало аккуратности: строка тут, строка там, а в середине листа – большие капли туши.

Увидев написанное, Го Бохай покачал головой. Эта картина натолкнула его на мысль о сложности и непредсказуемости характера наследника. Все, что бы ни попросил учитель, У Чан выполнял идеально, с поистине чиновничьей въедливостью. Но если наследнику нужно было сделать что-то, не связанное с Го Бохаем, он тотчас превращался в ленивого неумеху.

– С момента, как я покинул столицу Лунъюань, – с волнением заговорил У Чан, – я начал изучать распространенный на Востоке стиль семислоговой поэзии ши[22]. Господин Мэн довольно силен в ней, а вот я мало что понимаю. Пятисловные четверостишия мне легче даются. И когда мы виделись в последний раз, он попросил меня написать хоть что-то для будущих обсуждений, однако за всю ночь я так ничего и не смог сделать. Видимо, это не мое…

Усевшись напротив, Го Бохай спросил:

– За всю ночь ты и глаз не сомкнул?

Ученик опустил взгляд и, помедлив, ответил:

– Я и не пробовал, даже не хотел.

Го Бохай прищурился, всматриваясь в сребровласую макушку наследника, и ничего не ответил. Тишину нарушал лишь звук, с которым кисть из беличьей шерсти бесцельно елозила по бумаге, рисуя незамысловатые каракули.

Ночь Го Бохая тоже была непростой. На мгновение он со смущением вспомнил бурю эмоций, что охватила его прямо на глазах Минь-Минь. Чего теперь бояться больше: жутких

---

[21] Кайшу, в дословном переводе «уставное/образцовое письмо», – исторический стиль китайской каллиграфии. Основные характеристики – строгий порядок черт, отчетливость в прописывании каждого элемента иероглифа, пластичность черт за счет толщины линий и скорости написания.

[22] Форма классической китайской поэзии. Ши состоит не только из строк в семь иероглифов (слогов), но и в четыре, пять, шесть.

снов из-за разрушенной печати Забвения или моментов, когда последствия этих самых снов в виде сильных чувств окажутся выставлены напоказ?

Го Бохай заправил за ухо прядь волос, подвернул длинный рукав цвета рассветного неба и вздохнул:

– Я знаю строчку из одного: «Год окрасил в зеленый ветер, пришедший с востока. Весною путник тоскует сильней на чужбине далекой»[23].

У Чан усердно принялся выводить каждый ключ иероглифа, однако на «весною путник тоскует» вдруг остановился.

– Учитель, выходит… Это же одна из интерпретаций истории о судьбоносной встрече двух душ у персикового дерева?

Именно той истории, которая когда-то полюбилась пятилетнему мальчишке.

Го Бохай молча кивнул и закрыл глаза, погрузившись в свои мысли. Они с У Чаном часто сидели так: воспитанник выполнял задания, наставник бродил в закоулках своего сознания, изредка размыкая веки, чтобы посмотреть, чем занят ученик, и ободряюще улыбнуться ему. Наследник провел час – не меньше – в размышлениях над двумя записанными строками. Уже послышались звуки пробудившегося двора, а У Чан все не мог продолжить стих.

В двери зала знаний постучали, нарушив хрупкую идиллию, и вошли. Необычайно улыбчивый слуга сообщил:

– На гору Хэншань поднялся гонец, он желает передать новость лично вам, господин Го. – Произнося это, слуга выглядел настолько счастливым, что казалось, известие, принесенное гонцом, касалось его бренной жизни. Не успел Го Бохай уточнить, откуда прибыл посыльный, как услышал: – Новость из самой обители Опустивших головы долины Шутянь[24]!

Наставника словно ураганом подхватило, он помчался прямо к выходу. Ученик поспешил было за ним, но его остановили:

– Я скоро вернусь.

В сопровождении слуги Го Бохай чуть ли не бегом достиг приемного зала и там столкнулся с двумя достопочтенными – главой и госпожой У. Первый молча восседал на своем месте, а вторая ходила кругами вокруг молодого гонца. Оно и ясно: приехавший передать известие из монастыря, куда должен направиться каждый избранный для становления богом, совсем не походил на того, кому можно доверить важное дело. Он был юн для далеких путешествий – лет четырнадцати, не больше.

С одетого в белые, как у монахов, ученические одеяния пот стекал ручьем.

– Ты точно из долины Шутянь? Именно той, что далеко на Юге? Знаешь, что с тобой будет, если ты что-то напутал? Не похож ты на южанина: кожа слишком светлая и ростом – каланча!

– И-извините, госпожа, Линь Цин правда не похож на южанина, – отчеканил юноша. – Госпожа просто не знает, что старший господин Линь родом с Запада! Линь Цин весь в отца! Цветом глаз, носом… Вот, даже родинка на руке, как у него!

Женщина шлепнула его по руке. Она не унималась:

– Уроженцам Запада также не свойственен такой рост! Кто тебя направил к нам? Назови имена всех, кто думает, что это смешно – подшучивать над домом У!

В этот момент в диалог встрял Го Бохай. Обратив внимание на узоры на подоле гонца, напоминавшие горные массивы в тумане, он произнес:

– Он действительно из обители Опустивших головы.

Отойдя на пару шагов, госпожа У пробурчала:

---

[23] Выражение «ветер с востока» означает начало весны. Другое выражение – «весною путник тоскует» – означает тоску по дорогому человеку. Оригинальный стих «Ива» в переводе Т. Романовой принадлежит поэтессе Ли Е.

[24] Шутянь [##] – «спокойное небо».

– Если это так, чего стоишь? Быстрее прочти!

В послании ничего особенного не было, лишь приветственная речь и просьба некоего владыки Туманного хребта: молодой господин У должен прибыть до начала Праздника драконьих лодок. Ни имени отправителя, ни имени адресата. Госпожа заглянула в письмо и, увидев на лице наставника смятение, выпалила:

– Умом тронулись? Как это так… до Праздника драконьих лодок всего двадцать с небольшим дней! А до границы Севера и Юга – месяц пути, может, чуть меньше, если выбрать самую короткую дорогу!

Юноша, назвавший себя Линь Цином, дополнил содержание письма:

– Владыка попросил, чтобы вы отнеслись к его словам с большой серьезностью. В Праздник драконьих лодок долину Шутянь затягивает густой туман, по пути люди нередко теряются и пропадают без вести, отправиться на их поиски выйдет, лишь когда ясность небес снизойдет до земли. Не стоит недооценивать сказанное, густой туман – любимое время нечестивцев.

На этот счет Го Бохай знал еще кое-что: время, когда долину покрывало молочно-нефритовым туманом, было не просто так любимым для всякой нечисти. Каждый раз с появлением густой дымки расположенный на территории Шутянь барьер, ведущий в загробный мир и мир демонов, ослабевает. Мелкие демоны, словно злой рой шершней из потревоженного гнезда, отправляются на поиски разрастающейся бреши. В Праздник драконьих лодок особенность долины играет им на руку.

– Это точно злая шутка какая-то! – махнула рукавом госпожа У. – Это все не просто так, верно? Тебя умышленно прислали столь поздно, чтобы избранные господа с Юга-Запада первыми прибыли на территорию… как его там?

– Т-туманного хребта? – помог Линь Цин.

– Да! Как нам достичь обители Опустивших головы к указанной дате, когда это просто физически невозможно?!

Раздосадованная пониманием, что никакого, даже магического способа успеть нет, она схватилась за голову. Выглядела госпожа скверно, будто бы сейчас набросится и вцепится в гонца, из-за чего юноша отступил поближе к выходу. Глава У обратился к ней:

– Жена, успокойся. – Тембр голоса мужчины напоминал самые низкие ноты гуциня. Стоило ему заговорить, и завороженные люди умолкали, прислушиваясь. – У Севера с Юго-Западом нет конкуренции, да и с Востоком тоже. Нам уже хватило беспорядков на границах из-за этого ошибочного суждения во время церемонии Посвящения. Не поддавайся скверным мыслям. Если кто и прибудет в обитель раньше У Тяньбао, то в этом не будет ничего страшного. Однако добраться к назначенной дате и правда невозможно.

Все погрузились в раздумья. Го Бохай убрал письмо и обратился к Линь Цину:

– Значит, прибудем позже.

Гонец никак не изменился в лице. Ничего не сказав, словно такого ответа он и ожидал, Линь Цин отдал поклон и без лишних вопросов удалился. А вот госпожа не знала, что и думать:

– Но… Н-но как…

– Уважаемые, в письме и речи не шло о том, что мы не можем прибыть в другой день.

* * *

Разговор не занял много времени. Не прошло и получаса, как Го Бохай уже возвращался в зал знаний. Приблизившись, он вдруг услышал, что У Чан с кем-то спорит. Его громкий злой голос звучал отчетливо даже через закрытую дверь:

– Ты меня отвлекаешь! Как назойливая муха, жужжишь всю ночь над ухом… Уйди!

Го Бохай, поразмыслив, решил, что собеседником воспитанника мог быть Бань Лоу – единственный, с кем У Чан мог скандалить сутки напролет по любому вопросу. К тому же на

гору Хэншань юного господина Бань могло привести неожиданное известие от того же гонца. Тем не менее, зайдя, наставник не обнаружил никого, кроме ученика, который резко замолк.

У Чан сидел спиной к вошедшему, но неожиданно и так знакомо для Го Бохая позвал:

– Учитель!

Словно его кто-то предупредил! Го Бохай сел рядом и уже намеревался спросить, с кем тот так жарко спорил, как опережающий вопрос наследника сбил его с толку:

– Что-то не так с известием из долины Шутянь?

У Чан выглядел взволнованным, и его переживания могли бы показаться вполне естественными, если бы не тот факт, что еще до отъезда Го Бохай посвящал воспитанника в истинное предназначение обители – монастыря Опустивших головы на Туманном хребте в долине Шутянь, а избранные господа в своем долгом путешествии постоянно обсуждали, как будут жить и что будут делать там.

В обители Опустивших головы круглый год с раннего утра и до поздней ночи непосильными трудами оттачивается мастерство воспитанников самого владыки Туманного хребта. Жизнь каждого далеко не легкая. Слухи об их способах совершенствования ходили довольно пугающие: подъем на рассвете для тренировки ясности ума; медитация под падающими водами горных ручьев и купание в обжигающе горячих источниках для закаливания воли; наказание в виде дословного пересказа «Книги пути и достоинства»[25] во время битья палками для укрепления нравственности – все это лишь малая доля того, что приходится переживать послушникам монастыря. Те, кто даже не осмеливается посмотреть в сторону Туманного хребта, любят говорить: «Воспитанники там мрут, как мухи по осени».

И все же истинное предназначение обители иное. Первые смертные, вознесшиеся по воле Небес, проживали именно в долине Шутянь, а те, кто их знал, запечатлели этот момент в записях и стали называться старейшинами-летописцами. Та самая четверка, что долго путешествовала с избранными. По легенде, и сам владыка Туманного хребта носит титул небесного чиновника. Когда же монастырь отстроили, он стал сердцем духовной энергии в Поднебесной и пристанищем для будущих богов.

Откликнуться на приглашение владыки Туманного хребта – обязанность каждого избранного, кто не сошел с пути вознесения.

Го Бохай посвятил воспитанника в планы, касающиеся предстоящего отъезда. Когда закончил, У Чан подал ему исписанный лист бумаги и растянулся на полу со словами: «Значит, опять в путь».

Наставник опустил глаза на написанное:

Год окрасил в зеленый ветер, пришедший с востока,
Весною путник тоскует сильней на чужбине далекой.
Тут рядом на тысячи ли[26] по названию Сян[27] пролегает река.
Положу я в нее письмо для тебя.

Го Бохай прочитал про себя и, не зная, правильно ли он понял одну из строк, обратился к воспитаннику:

– Вы знакомы?

У Чан бросил быстрый взгляд в угол потолка.

– Ни много ни мало более полугода.

---

[25] «Дао дэ цзин» – основополагающий источник учения Дао.

[26] Ли – единица измерения, равная 500 м.

[27] Имя собственное – Сян [#]. Река на китайском – Цзян [#]. Так как У Чан не помнил правильного написания имени демона Тьмы, он использовал созвучное название реки на юго-востоке Китая – Сянцзян. Очередная игра слов в поэзии.

Тем временем в самой темной части зала знаний что-то зашуршало, будто бы мышь завозилась. Го Бохай медленно положил лист на стол. Появившаяся на его лице незнакомая У Чану холодная улыбка смутила наследника, и тот подскочил, покрытый мурашками.

Следом же наставник поднялся и в сторону, откуда исходил шорох, замахнулся рукой, как если бы в ней было что-то наподобие кнута. Вот только он ничего не держал. Выглядело это довольно странно, но все же из потолочного угла внезапно бухнулась на пол обмотанная веревками туша! Черный «мешок» длиной почти что под шесть чи[28] заворочался, как земляной червь, однако освободиться у него не получалось. Вдобавок сверху его придавливал сапог.

– Пустить бы тебя собакам на корм, да только ты же ничего не почувствуешь! – Го Бохай беспощадно пнул тело.

– Ну-ну, попрошу! Может, и не почувствую, вот только моих одеяний тебе не жалко? Между прочим, бесценный шелк!

Го Бохай пнул еще сильнее и недовольно пробурчал:

– Думаешь, нашел мое слабое место? Думаешь, сможешь разжалобить меня упоминанием ценности ткани? – И все же, несмотря на свои гневные речи, наставник бросил изучающий взгляд на одеяния демона: не испортился ли шелк?

У Чан сначала наблюдал с интересом, а после не удержался и подошел:

– Легко ты попался… И даже вырваться не можешь?

Тут-то демон и показал свое лицо. Он медленно поднял голову с растрепанными длинными волосами и, недовольно вздохнув, смахнул прядь с глаз. Посмотрел на хмурого Го Бохая, затем перевел взгляд на усмехающегося наследника и, не сдержавшись, ругнулся:

– Сопляк, у нас с тобой была договоренность! Значит, так ты дела ведешь, ха!

Го Бохай не понаслышке знал, насколько лукавым может быть «мешок» в его ногах, потому его словам не сильно верил. Однако это «ха» прозвучало довольно правдоподобно, будто бы воспитанник и Сянцзян и правда о чем-то там договорились. У Чан поймал взор наставника на себе и воскликнул:

– Учитель, он же брехун, каких свет не видывал! Ваше недоверие оскорбляет, ведь я честно не имею с ним никакого дела!

Сянцзян продолжил:

– Может, и брехун. Однако и ты не строй из себя невинного мальчика – уже не в том возрасте. Сдал меня с потрохами, так сдай и себя!

– Мне нечего скрывать от учителя!

– Да ладно! – усмехнулся демон. – Поведай ему, как ты в ущелье Шуйлун, а после в столице Лунъюань героически повел себя, что чуть головы не лишился! После того как я тебя спас от демона-змея, чего ты, конечно же, не помнишь, потому что был без сознания. Я тебе наказал перестать лезть на рожон, но ты что сделал? Кинулся вместе с остальными защищать город! А при первом же удобном случае на обратном пути в родные края сбежал из своей повозки, ни на секунду не подумав, что за тобой хвост! Что за растерянный вид, маленький господин? Думал, тебя судьба оберегает? Да и если ты не хотел все утаивать, зачем тогда подговорил своего товарища Мэн Чао молчать о произошедшем на Востоке? Я все знаю о твоих делах!

Уши У Чана вдруг заалели, и даже пара прядей, выбившихся из хвоста, не скрыла этого. Он возмутился:

– Учитель! Выходит, вы и правда подослали его, чтобы следить? Как давно он наблюдает за мной?

Сянцзян залился смехом. Он прямо подыхал от веселья, будто бы зная много еще чего постыдного об У Чане.

---

[28] Чи – мера длины, равная 32 см.

– Ты правда подверг себя такой опасности? – Голос Го Бохая казался взволнованным. Он обернулся, полный намерений, и повторил: – Ты правда подверг себя такой опасности?

У Чан растерялся. Заливаясь краской из-за хохота демона, он с трудом произнес:

– А ч-что я такого сделал?

Выражение лица Го Бохая не казалось наследнику грозным, однако от этого становилось только тяжелее: совсем неясно было, о чем сейчас думает учитель и как относится к рассказанному демоном. Го Бохай взмахнул рукой и приказал:

– Сядь!

В тот же миг У Чан бухнулся на пол, плененный веревками, сравнявшись с Сянцзяном. Демон как раз успокоился и, скалясь, поведал ошарашенному юноше:

– Не пробуй, заклинание Вечных пут не так просто разрушить.

Абсурдность ситуации разозлила У Чана, уголки его выразительных глаз заблестели, и он принялся рьяно ворочаться:

– Я ничего не сделал! Пусть я немного рисковал, но что в этом такого? Вы ведь сами учили меня с честью принимать вызовы судьбы! Учитель!

Сянцзян вдруг засомневался:

– Го Бохай, не кажется ли тебе, что веревки на пацане не такие тугие, как на мне?

Услышав это, У Чан словно стал сильнее. Барахтаясь и извиваясь, он в мгновение ока оказался у бледного лица демона, откинул голову и со всей силы зарядил ей по лбу Сянцзяна. Демон не чувствовал боли, однако это не отменяло того, что из глаз посыпались искры. Он выругался, хотя его лицо ни капли не исказилось:

– Я тебе ноги с руками поменяю и голове найду место!

Го Бохай хотел было вмешаться, однако нога демона, которой тот отвесил пинка наследнику, заставила отступить назад. У Чан и Сянцзян сцепились в клубок, поднимающий пыль. Драться в полную силу они не могли – их руки были все так же прижаты к телу веревками.

В ход шли увесистые пинки и угрозы:

– Зачем ты ему все растрепал? Сам же говорил не тревожить учителя почем зря! Сдам тебя воспитанникам обители Опустивших головы с потрохами и буду наблюдать, как они тебя четвертуют и по могилам прячут!

Это была одна из возможностей усмирить сильного демона. Подобный способ не убивал, зато на долгие годы удерживал нечестивого от возможности телесного воплощения.

– Да смотри, чтобы тебя самого вместе с *одной* моей частью тела не уложили. Прям вижу лица тех заклинателей, которым ты про меня расскажешь!

В случае, когда смертный рассказывает о таком сильном демоне не абы кому, а самим последователям владыки Туманного хребта, его принимают за приспешника этого самого демона. Ведь иначе как он пережил встречу?

– Плюнуть бы тебе в твою наглую рожу!

– Ну попробуй, на! Только потом жди ответа!

Глаза У Чана округлились и налились кровью. Казалось, в порыве эмоций он уже не думал о том, чтобы плюнуть, а желал перейти к действию.

– Достаточно! – Го Бохай разнял их и оттолкнул друг от друга. Усевшись в бирманскую позу между двумя, он удрученно выдохнул: – Вы как дети малые. И если У Чан еще слишком молод и действует в соответствии со своим возрастом, то твое поведение вызывает вопрос: как ты только дожил до стольких лет?

У Чан нахмурился.

– Так вот в чем причина – вы считаете меня ребенком, который нуждается в наказании? Как мне нужно было поступить тогда, в ущелье и в столице? Люди находились в опасности!

– Дело не в этом…

– А в чем?

– Просто хотя бы иногда нужно поступать рассудительно! – Го Бохай не заметил, как повысил тон. Только успокоившись, он продолжил: – Это не означает, что нужно сразу же бежать или прятаться, это – оценивать и силы противника, и свои, а после принимать какие-либо решения.

– Прислушайся к словам взрослого, сопля! – Сянцзян удумал поглумиться, но тут же получил затрещину от наставника.

– Ты просто еще не знаешь, *почему* необходимо поступать рассудительно… Придется нам поднять эту тему прямо сейчас, воспользовавшись случаем.

Предполагая, что разговор вот-вот затронет произошедшее в ту самую ночь на горе Хэншань, когда Кукловод попытался навредить обоим, наследник напрягся.

– Учитель, вы же знаете мое отношение к этому, я желаю оставить все как есть…

– Знаю, поэтому я тебя и связал.

В этот момент позади Го Бохая раздался оглушительный грохот. У Чан приподнял голову и воскликнул:

– Минь?!

У ног служанки веером из черепков разлетелся чайный сервиз. Когда три пары изумленных глаз уставились на девушку, та выронила и кругленький поднос, который, пару раз звонко подскочив, пристыженно замер в луже чая. Минь-Минь пыталась что-то сказать, но от страха лишь промямлила:

– Г-господин… Г-господин…

Го Бохай тоже растерялся. Тогда У Чан попытался взять ситуацию в свои руки. Наследник поднял голову и, натужно улыбнувшись, произнес:

– Минь, все хорошо.

Конечно же, это возымело обратный эффект: девушка вздрогнула и ударилась спиной о дверь.

– Пожалуй, я пойду, – тихо сказала она.

Го Бохай побежал за ней. Когда они оба оказались за стенами зала знаний, он крикнул:

– Минь! – И служанка застыла в полушаге. – Все немного иначе, нежели кажется на первый взгляд, не стоит волноваться и думать лишнее.

Минь-Минь смотрела сквозь наставника не моргая.

– Молодой господин ведь скоро отправляется в долину Шутянь, места далекие и опасные, вот и практикуется, совершенствует одну технику. А тот мужчина… Он один из воспитанников обители Опустивших головы.

Наконец девушка решилась хоть что-то сказать, и ее выражение лица в этот момент излучало недоверие:

– Тогда получается, это молодой господин связал того воспитанника? Если все так, почему сам молодой господин сейчас связан? Это вы сделали?

Ситуация уже не то что запуталась, а стала опасной! Хоть Минь-Минь и служила Го Бохаю, а ее основной обязанностью было сберегать все услышанное и увиденное от других, это не освобождало ее от долга перед достопочтенными дома У. В случае, если жизнь наследника находится в опасности, она ценой своей должна сообщить об этом главе, или госпоже, или же любому, кто сможет донести это известие до них.

Вздохнув, Го Бохай сам опроверг свою версию:

– Звучит и правда нелепо. Однако уверяю, в том, что ты увидела, и правда нет ничего преступного. Вот. – Он приоткрыл дверь, и в этот же миг с У Чана спали Вечные путы. Наследник подскочил на ноги и без раздумий накинулся на связанного Сянцзяна. По залу пронесся пронзительный крик:

– Го Боха-а-а-ай!

Дверь молниеносно захлопнули, и наставник погрузился в тягостные размышления. Неожиданно наполнявшие зал знаний вопли утихли. Уверенной поступью вышел молодой господин и безмятежно обратился:

– Минь-Минь, не стоит переживать. Как я и сказал, все хорошо. А за того, который сейчас униженным остался валяться на полу, и не думай, он же демон.

Лицо Го Бохая потускнело. И он, и служанка воскликнули:

– Демон?!

У Чан, словно считая это слово неопасным в собственном доме, взял да и кивнул:

– Учитель, разве этот отщепенец, Сянцзян, не демон Тьмы? Он вроде как четко дал понять, что он нечестивец.

Сквозь улыбку Го Бохай процедил:

– Ну какой же он демон… да еще и Тьмы. Ты что-то напутал и пугаешь сейчас Минь-Минь.

– Да нет. – У Чан повернулся к служанке. – Можешь себе представить, сам демон Тьмы, с которым, возможно, только бог ночи, Гун Лун, оберегающий наши сны, может справиться! Вижу, ты как раз не высыпаешься, не демоны ли тебя мучают по ночам? Отчего ты так бледна?

Служанка качнулась назад.

– Сколько бессонных ночей ты уже провела? Если так продолжится, то демон Тьмы точно потревожит твое спокойствие, нагрянет в самый непредсказуемый момент и ни при каких условиях не отстанет. Страшно и представить, какие гадости посещают его больной ум перед слабым человеком в его руках.

Го Бохай сдался почти сразу, прикрыв смятение на лице ладонью. Да и какой смысл был уже что-либо говорить, когда воспитанник наплел столько чепухи, что легче принять поражение.

Придумывать подобные небылицы – про Гун Луна, единственного равного противника демона Тьмы, что мог нагрянуть посреди ночи к смертным, – не было коньком наставника, да и, судя по тому, как он пытался убедить Минь-Минь в своих словах, вранье ему тоже давалось плохо.

К счастью, служанка оказалась пугливой и доверчивой девушкой. Она мало вслушивалась в смысл произнесенного, если его вообще можно было выудить, и следила лишь за одним словом из уст наследника. Услышав «демон» в седьмой раз, Минь-Минь сквозь пелену ужаса произнесла: «П-пожалуй, пойду», развернулась и… упала! Го Бохай подхватил ее, подоспел и У Чан:

– Учитель, давайте я отведу Минь в покои слуг.

Так вот оно что! Освободившись от Вечных пут, наследник незамедлительно принялся искать причину, чтобы сбежать из зала знаний и не начинать разговор о Кукловоде. Создал ситуацию, чтоб ушмыгнуть, запугав служанку до потери сознания. По крайней мере, такая мысль промелькнула у Го Бохая.

Подхватив Минь-Минь на руки, наставник приказал:

– Вернись внутрь.

Тут-то и проявилось истинное стремление наследника, отразившееся у него на лице недовольным выражением. Возвращаться У Чан явно не торопился, однако спорить также не стал. Под пристальным взглядом свинцовых глаз, сопя от возмущения, юноша боком прошмыгнул обратно в зал и тут же оказался на полу, обвитый веревками. Сянцзян обратил свой бесстрастный взор на него и усмехнулся.

– Что смешного, отщепенец? – У Чан хотел отвернуться, лишь бы не видеть тело в дальнем углу, однако ощутил, что, сделай он так, тут же потеряет равновесие. Потому, слегка повозившись, вновь уставился на демона.

Го Бохай уже покинул зал, а нечестивец, к удивлению наследника, ожидающего колкости в свой адрес, хранил молчание. Ко всему прочему, в Сянцзяне что-то изменилось: демон больше не отворачивал свое смертельно бледное лицо, улыбка которого так и не коснулась. Он в упор смотрел на наследника, как голодный тигр на безмятежную лань. Бездонная чернота души, отражающаяся в его глазах, манила и в то же время сковывала тело и мысли У Чана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.